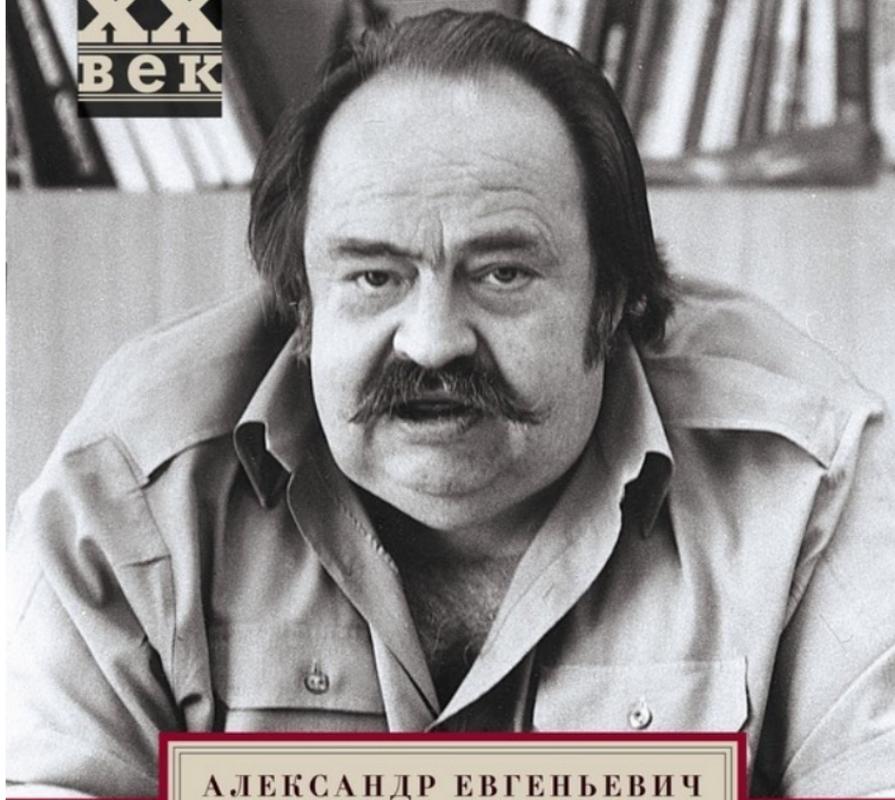

наш
XX
век

АЛЕКСАНДР ЕВГЕНЬЕВИЧ

БОВИН

XX ВЕК КАК ЖИЗНЬ
ВОСПОМИНАНИЯ

Александр Евгеньевич Бовин
XX век как жизнь.
Воспоминания
Серия «Наш XX век»

Издательский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=27048988

XX век как жизнь. Воспоминания: Центрполиграф; М.; 2017

ISBN 978-5-227-07506-2

Аннотация

Про Александра Евгеньевича Бовина говорили: «корифей российской журналистики», «бывший чрезвычайный и полномочный посол СССР и Российской Федерации в Израиле», «бывший спичрайтер Леонида Брежнева». Это все так. Поистине всенародную популярность он обрел в качестве ведущего телевизионной программы «Международная панорама». В отличие от своих предшественников Бовин вел со зрителем доверительный и неформальный разговор, передачу смотрели люди, которые до этого не интересовались международным положением. Ироничный, остроумный, он был, как он сам себя называл, зоологическим оптимистом. И книга его написана в редком, еще не внедрившемся в нашу литературу жанре, который можно назвать «юморная мемуаристика».

Содержание

Введение	5
Первая молодость	8
Мой адрес – Советский Союз...	10
Ленинград. У фрейлины	11
Днепропетровск. «Ридна мова»	14
Ворошилов-Уссурийский. Японцы рядом	17
Хабаровск. Вольница	26
Горький. Каток вместо танцплощадки	37
Ростов-на-Дону. Университет	46
Хадыженск: «Встать, суд идет!»	62
Москва. Еще один университет	79
Конец ознакомительного фрагмента.	124

**Александр
Евгеньевич Бовин
XX век как жизнь.
Воспоминания**

© Бовин А.Е., наследники, 2017

© «Центрполиграф», 2017

© Художественное оформление, «Центрполиграф», 2017

* * *

*Ангел никогда не падает, бес до того упал, что
всегда лежит, а человек падает и восстает.*

Иоанн Лествичник

*Жизнь, по-моему, такая интересная и
прекрасная авантюра...*

Светлана Алексиевич

Введение

Я долго колебался: писать ли эту книгу. Книгу о собственной жизни. Не был уверен, что смогу увлечь современного читателя путешествием по своей биографии. Смущало неизбежное для литературы такого рода обилие местоимения «я» в тексте, превращение самого себя в этакий центр мемуарной Вселенной. Но поскольку мемуарный червь меня все-таки грыз, стал себя успокаивать: ведь биография – это время, в которое она погружена, интереснейшее время. Это – события и люди, с которыми приходилось соприкасаться. Это – суждения и оценки, впитавшие самосознание эпохи. Это, как писал Герцен, «отражение истории в человеке, случайно попавшемся на ее дороге».

Успокоил и уговорил.

Начал изучать мемуарный опыт знакомых. Коллеги-международники нажимали на портреты политических лидеров: президентов, премьеров, министров иностранных дел, с которыми сводила журналистская судьба. Коллеги по консультантскому корпусу ЦК КПСС рассказывали о наших партийных вождях (не всегда хороших) и о советах (хороших всегда), которые давали вождям советники. И хотя темы эти – особенно вожди и советы – почти исчерпаны, моего читателя тоже не минет чаша сия.

Но есть ведь и другие темы, другие «чаши». Мозаика

обычной жизни, даже жизни, проходившей поблизости от власти предержавшей. Штрихи времени, не связанные логикой истории. И проблемы времени, события и процессы, образующие эту логику. Восприятие эпохи. Как мы жили и ради чего мы жили, во что мы верили и почему верили, что мы знали, о чем догадывались, чего не хотели знать. Знаменитый «Марш энтузиастов» – с энтузиастами или без?

Вопрос не риторический. Ныне модно изображать советские времена сплошь в мрачных тонах. Страна тонет в тени ГУЛАГа. КГБ – это «наше все». Безысходный, абсолютный тоталитаризм. Замятин, помноженный на Оруэлла. Но так не может быть и не бывает. И не было. Живая жизнь, которая бурлила, гроыхала, вздыбливалась вокруг, была несравненно сложнее, разнообразнее, многоцветнее, чем односторонние и убогие схемы многих нынешних идеологов. Мне хочется показать это. Чтобы (программа-минимум!) помочь внуку моему, Макару Сергеевичу, человеку XXI века, разобраться в своей человеческой и исторической родословной.

И еще одно соображение, выдающее мой уже почтенный возраст. Для атеиста, неверующего, безбожника написанная им книга, а тем более автобиографическая книга – это своего рода пропуск в бессмертие. Или, если скромнее, – заявка на долголетие.

Напомню знаменитые строки Анны Ахматовой:

Ржавеет золото

и истлевают сталь.
Крошится мрамор. К смерти
все готово.
Всего прочнее на земле –
печаль.
И долговечней – царственное
слово.

Насчет печали – разговор особый. Возможно, для следующей книги. Что же касается слова, то я бы снял эпитет. Долговечно даже не царственное слово. В эпоху всеобщей грамотности это, к сожалению, дает шанс всяким прохиндеям, позволяет им не соскользнуть в «черную дыру» невозвратного прошлого. Но зато и я знаю: оказавшись уже на том свете, но уцепившись за спасательный круг слова, я буду еще качаться на волнах света этого. Не на вечные времена, но все же...

Вот на этой радостной ноте начинаю рассказ о себе и о том XX веке, который я видел.

Первая молодость

1930–1959

Где-то я вычитал: некоторые люди сразу рождаются старыми, некоторые же не только рождаются молодыми, но и остаются ими. Меня судьба определила в последнюю группу. Поэтому вся моя жизнь – это движение от одной молодости к другой.

Первая: 1930–1959

Вторая: 1959–1972

Третья: 1972–1991

Четвертая: 1991–1997

Пятая: 1997 – ...

Соответственно – пять разделов книги.

Так сказать, «молодым везде у нас дорога...».

Со стороны такое распределение материала может показаться искусственным. Но ведь я смотрю не со стороны... Мне говорили, что последняя молодость начинается после третьего инфаркта.

Не уверен. Будучи зоологическим оптимистом (то есть оптимистом без мотивировок), я надеюсь встретить последнюю молодость и распрощаться с ней до первого инфаркта.

Разумеется, каждая молодость отличается от всех дру-

гих. Отличается присущим ей коэффициентом, который определяется событийной насыщенностью данного куска жизни, степенью переваренности, усвоенности накопленного опыта, умением видеть себя посторонними глазами.

Подробности – в тексте.

Мой адрес – Советский Союз...

Из популярной когда-то молодежной песни:

Мой адрес – не дом и не улица,
Мой адрес – Советский Союз.

Не сиделось, значит, молодым на месте. Везде что-то строили, отовсюду звали, везде ждали. И везде, если судить по песням, было интересно, здорово.

Но мои путешествия начались задолго до того, как я стал задумываться над своим адресом. Адреса менял отец. Судьба офицера: Днепропетровск – Ворошилов-Уссурийский – Хабаровск— Горький – Ростов-на-Дону.

Моя собственная география, если иметь в виду ПМЖ, значительно скромнее: по распределению – Хадыженск (Краснодарский край) и по выбору – Москва. А из Москвы не только все видно, но и многое вполне достижимо. Успел объездить всю страну. Бывал и в странах иных. Осталось две голубые мечты: Бразилия и Чукотка. Не знаю, успею ли...

С конца XX века живу в России, в Российской Федерации. Но адрес остался прежний – Советский Союз. Это противоречит здравому смыслу. Понимаю. Утешаюсь тем, что в жизни есть и другие смыслы.

Все началось в Ленинграде.

Ленинград. У фрейлины

Родился 9 августа 1930 года. И не совсем в Ленинграде. Но рядом. В Детском Селе (до революции – Царское Село, с 1937 года – город Пушкин).

Была суббота. Согласно «Красной газете» (издание Ленинградского Совета рабочих и крестьянских депутатов), ночью +15, днем +20. «Меняющаяся облачность с проходящими дождями». Факт существенный. Им объясняется мое почти физиологическое пристрастие к серой, дождливой погоде.

Родословную дальше дедов не знаю. Все они из Шацка Рязанской губернии.

Мамин папа – Борисов Иван Матвеевич – был священником, имел приход в Шацке и 13 детей (мама – седьмая). После революции сменил профессию: работал бухгалтером в каком-то кооперативе. В начале 30-х посадили по финансовым статьям. Срок свой отсидел. Вернулся в Талдом, куда к тому времени перебралась бывшая попадья с одной из своих дочерей. Там Иван Матвеевич в 1936 году умер от рака горла. Пытались найти его могилу, но тщетно: все поросло буйем и временем...

Деда этого даже не видел. Но бабушку Марию Сергеевну (бабу Маню), которая дожила до 1966 года, помню хорошо. Мы с мамой навещали ее в Кунгуре (на Урале) и в Умани (на

Украине). Рассказывали, что в молодости отчаянной красоты была женщина. Есть семейная легенда: когда попа в очередной раз потрошили красноармейцы, попадью не тронули – так были поражены ангельским ликом. Воистину, красота все-таки спасает...

Баба Маня велела, чтобы во время ее похорон пел Козловский. Так и сделали. За гробом несли патефон, крутилась пластинка... В Умани – теперь, значит, за границей – могила Марии Сергеевны Борисовой.

Папин папа – Бовин Алексей Иванович – имел в Шацке магазин. После поступления сына в Электротехническую академию РККА перебрался в Парголово под Ленинградом. Дом почти на берегу большого озера. Дед учил меня плавать. Кстати, именно в парголовской церкви меня тайно от отца крестили в декабре 1930 года. Дед умер от голода во время блокады. Бабушка (баба Саня) после прорыва блокады добралась до Хабаровска и потом жила с нами. Упокоилась в Ростове-на-Дону.

Социальное происхождение незавидное. Тогда оно перекрывало многие жизненные пути. И чтобы сохранить мое душевное спокойствие и избавиться от вранья в анкетах, родители выдали мне другую версию: один дед трудился дворником в церкви, а другой – приказчиком в лавке. Тоже не фонтан, но и не «красный свет».

Последний раз я заполнял анкету с дедами и бабками летом 1953 года, когда меня выдвигали на должность народ-

ного судьи. Не знаю, или спецслужбы плохо проверяли, или уже критерии были смягчены, но претензий ко мне не было. Родители посвятили меня в «тайну» происхождения позже, когда я учился в аспирантуре.

Теперь – о родителях.

Папа – Евгений Алексеевич – к моменту моего появления на свет учился в академии. Чтобы поступить туда, он был вынужден приписать себе какие-то другие социальные корни. Получилось. Но корни все-таки вылезли. Уже на Дальнем Востоке, дослужившись до полковника, отец надумал поступать в партию. Кандидатом приняли. Но тут спецслужбы оказались на высоте. Отца обвинили в сокрытии социального происхождения и завернули, не приняли в партию.

Однако главная беда была в другом. Кадрового военного, человека, который с 1937 года служил на Дальнем Востоке и знал наизусть русско-японский военный разговорник, не пустили воевать с японцами. Здесь была драма, трагедия даже. Ее причину я узнал гораздо позже, а тогда лишь чувствовал гнетущую напряженность в доме.

Мама – Агнесса Ивановна – еще в Шацке окончила педагогический техникум. Вершина ее карьеры – заведование детским садом. Но с 1940 года, когда родилась моя младшая сестра, полностью посвятила себя домашним делам. Стала домашней хозяйкой высшей квалификации.

В Детском Селе мы снимали две маленькие комнаты в деревянном доме бывшей фрейлины. Такая сухонькая старуш-

ка, «белая мышь», как Райкин говорил.

По понятным причинам я мало что помню. Но все-таки помню.

Помню, что много было красивой, со всякими завитушками, мебели. Маленькие комнаты и маленькие окна. Поэтому мрачно как-то, неудобно. Фрейлина меня любила и разрешала носиться по всему дому.

Помню елку. Елки тогда были еще запрещены. Но фрейлина не боялась. Игрушки были дореволюционные, не такие, как сейчас. Какие-то фигурки из ваты с рисованными лицами. Тонкие длинные разноцветные свечи. И главная радость – конфеты. Елка, как и теперь, стояла до старого Нового года. Конфеты обновлялись несколько раз.

И еще помню походы с отцом за щавелем. Ходили по роскошным паркам, которые окружали царские дворцы. Дворцы меня тогда не интересовали. Тут соревнование – кто больше щавеля соберет. Зелеными щами угощали фрейлину.

В последний раз мы были с мамой в Пушкине в конце 70-х. Не нашли ни дома, в котором жили, ни детского сада, в котором мама работала воспитательницей. Стало грустно.

Днепропетровск. «Ридна мова»

После окончания академии отец был направлен служить в Днепропетровск.

Жили там несколько месяцев. С осени 1935 года до весны 1936-го. Где, не помню. Но почему-то помню большой альбом об экспедиции на «Челюскине»¹. Окладистая, как у Саваофа, борода академика Отто Юльевича Шмидта (с его сыном, тоже академиком, мне привелось встретиться через шестьдесят лет).

И совсем из другой оперы. Два букваря. Один на русском языке. Другой на украинском – «Ридна мова». Сразу пошел параллельными курсами. К сожалению, «мова» осталась детским баловством. Но словарный запас после каждого посещения Украины расширялся. Во всяком случае, некоторые важные вещи, которые доносятся с Украины, понимаю без перевода. Например: «Чия влада – того й мова, чия мова – того й влада!» В общем, рекомендуют не увлекаться русскими букварями.

Весной 1936 года отец получил назначение на Дальний Восток. Сначала сам уехал, потом вызвал нас.

Это путешествие мне хорошо запомнилось. Пережили одно из самых крупных железнодорожных крушений. Уже проехали Байкал. Интересная деталь. Вдоль всей колеи, а она идет по-над озером совсем близко от берега, из воды торчали остовы полузатопленных вагонов. Свидетельства нередких, видимо, в то время аварий. Когда мы проезжали Байкал

---

¹ Пароход неледокольного типа «Челюскин» должен был за одну навигацию пройти Северный морской путь от Мурманска до Владивостока. Не получилось. Был затерт льдами и раздавлен в Чукотском море 13 февраля 1934 года.

летом 1939 года, торчащих из воды вагонов стало гораздо меньше. Теперь их вообще нет. «Безаварийный пробег», – сказал бы, наверное, Остап Бендер, если бы получил звание генерал-директора тяги любого ранга.

События разворачивались следующим образом. Наш поезд начал медленно взбираться на очередную горку. И вдруг пассажиры заметили, что с той горки, которую мы уже миновали, вслед за нами спускается товарный состав. Идет по той же колее и нагоняет нас. Поскольку столкновение было неизбежно, пассажиры, особенно последних вагонов, стали выпрыгивать из поезда. Благо скорость была небольшая. Наш вагон был, кажется, четвертым от паровоза. И все-таки тоже выпрыгивали. Вся эта суэта запечатлелась в памяти. Мама выпрыгивать отказалась. Положила меня на подушку, прикрыла другой подушкой и сама легла сверху. Удар, трески какие-то, крики – стоим. Вагон наш не перевернулся. Задние вагоны были сплющены. Кто не выпрыгнул – погибли.

Три дня, пока растаскивали составы и ремонтировали дорогу, мы жили в палатках. Погода стояла прекрасная. Вокруг – сибирская благодать. Высокие травы, цветы, небольшое озерко поблизости. Детей было довольно много. Мир взрослых жил своей жизнью. А мы гоняли от восхода до заката.

Наконец добрались до Ворошилова-Уссурийского. Отец там три дня сходил с ума.

Ходили разговоры, что крушение – результат диверсии,

«вылазки классового врага». Не знаю. Можно предположить, что не одного человека посадили... Годы были суровые.

Ворошилов-Уссурийский. Японцы рядом

Мы стали дальневосточниками. В те романтические, пионерские годы слово «дальневосточник» звучало почти как «орденоносец». Была поставлена задача – «освоить» Дальний Восток. К сожалению, она не решена до сих пор.

Отец получил под свое командование отдельный батальон связи. В составе корпуса, который дислоцировался в Ворошилове-Уссурийском. А корпус входил в состав Особой Краснознаменной Дальневосточной армии – ОКДВА! Это – особенно для нас, мальчишек, – звучало энергично, напористо и победоносно.

Жили мы в Южном военном городке. Казармы оставались еще от царских времен. Добротной постройки. Комсостав занимал двухэтажные кирпичные дома на восемь квартир с огромными, как бы сейчас сказали, «приусадебными участками». Все удобства во дворе. Воду носили из колодца. И еще под каждой водосточной трубой стояла здоровая бочка – для дождевой воды. Недалеко от дома – сараи. Почти у всех имелись куры, утки, а то и гуси. Огороды появились только во время войны.

Весь быт был связан с армией. Тогда все было по-другому. О дедовщине и слыхом не слыхивали. Иные, более че-

ловечные, что ли, были отношения между красноармейцами и командирами. Существовали так называемые женсоветы. Жены командиров заботились о том, чтобы в казармах чувствовалась женская рука, какой-то минимум уюта. Помню, мама вышивала нечто вроде накидок на прикроватные тумбочки. В клубе (кино, самодеятельность, вечера всякие) собирались все вместе. Разумеется, были «офицеры» и были «солдаты» (тогда говорили «командиры» и «красноармейцы», офицеры и солдаты официально появились только в 1943 году, после Сталинграда). Дистанция между ними существовала, но не было кастовости, жестких разделительных линий.

Общая атмосфера в армии была пронизана тревогой. На границе беспокойно. И хотя «граница на замке», от японцев можно всего ожидать. Отлавливали диверсантов. Знаменитый пограничник Карацупа приходил к нам в школу и рассказывал потрясающие истории. Настольными книгами были русско-японские военные разговорники. Сооружали свою «линию Мажино». ОКДВА преобразовали в Краснознаменный Дальневосточный фронт (КДФ).

Возможно, слово «пронизана» не вполне подходит. В нем слишком много театральности, драматизма. Все было проще: ожидание войны, подготовка к войне как быт, как ежедневная работа. И рядом обычная жизнь, пронизанная обычными же заботами и тревогами.

Необычное в обычном: массовое выселение корейцев и

китайцев. Логика проста – потенциальная «пятая колонна». И еще – японским шпионам и диверсантам удобно «растворяться» среди корейцев и китайцев. Не знаю, стало ли легче нашей контрразведке. Но «дальневосточникам» стало труднее. С рынка исчезли дешевые овощи (до сих пор в ушах «одна рупля, одна рупля!»).

Японцы не подвели. В конце июля 1938 года японские войска атаковали советских пограничников в районе озера Хасан (130 км от Владивостока, на стыке границы СССР с Кореей и Китаем, где тогда хозяйничали японцы). Бои на сопках Безымянная и Заозерная продолжались десять дней. Все эти дни в нашем городке царило возбуждение. В победе никто не сомневался. Мы с двумя приятелями сбежали из дома и двинулись к Хасану. Очень повоевать хотелось. На попутных машинах добрались почти до Владивостока, но были отловлены и возвращены по принадлежности. С учетом наших патриотических чувств выволочка была умеренной. Японцев разбили без нашей помощи. 11 августа подписали перемирие.

Только теперь, когда стали доступны архивы, мы узнали, что и та далекая победа была «со слезами на глазах». Победу вырвали не умением, а числом. Любопытна выдержка из разговора по прямому проводу Сталина с командующим Дальневосточным фронтом маршалом Блюхером.

Сталин: «Почему не выполняется приказ наркома обороны о бомбардировках авиацией всей нашей территории, за-

нятой японцами?»

Блюхер: «Вылет задерживается по неблагоприятной метеорологической обстановке... Боюсь, что в этой бомбардировке мы неизбежно заденем как свои части, так и корейские поселки».

Сталин: «Мне непонятна ваша боязнь задеть бомбардировкой корейское население, а также боязнь, что авиация не сможет выполнить своего долга ввиду тумана. Кто это вам запретил в условиях военной стычки с японцами задевать корейское население? Какое вам дело до корейцев, если наших людей бьют пачками японцы? Что значит для большевистской авиации какая-то облачность, если она хочет действительно отстоять честь своей Родины!»

Ex ungue leonem, – как говорили в Древнем Риме (или, как переводят в Третьем Риме, «по когтям узнаем льва»).

В приказе наркома обороны № 0040 от 3 сентября 1938 года утверждалось, что действия Блюхера «граничили с сознательным поражением». Вскоре Блюхер был арестован и 11 ноября 1938 года расстрелян. Сомневаюсь, что командующего фронтом можно упрекнуть в поражении. Сталин избавлялся от неудобных ему людей. А тут, как говорится, всякое лыко в строку...

За судьбой Блюхера просвечивает трагедия страны, получившая обобщенное наименование «1937 год». Но меня, точнее, моего сознания эта трагедия практически не коснулась.

Здесь надо иметь в виду одно существенное обстоятельство. Родители никогда при мне не вели каких-либо разговоров, выходящих за рамки официоза. Никогда. Ни на какие темы. Вплоть до XX съезда...

Дальше то, что сам помню.

Карикатуры в «Правде»: в «ежовых рукавицах» извивается змея, на которой что-то написано. Теперь соображаю: или «троцкисты», или «зиновьевцы», или еще какие-нибудь «враги народа».

У отца был красивый альбом. Его дарили каждому выпускнику академии. Там были фотографии военного начальства и всех преподавателей академии. Альбом всегда лежал на видном месте. Потом исчез. Но ребенок был настырным и обнаружил альбом в комодке под простынями. Овалы с лицами почти всего начальства и многих преподавателей были замазаны черной тушью. Сообразил – они тоже «враги».

Из восьми командиров, живших в нашем доме, пять были арестованы.

Хорошо быть мальчишкой. Не было страха. Не переживалась трагедия. Наказывали врагов народа – и правильно делали. А мы не враги, чего нам бояться.

Представляю теперь, что чувствовали родители, когда слышали, как по ночам выводили их соседей, сослуживцев.

Много позже отец уверял, что его спасло отсутствие партбилета. К беспартийным «органы» вроде бы относились с меньшим рвением...

Вернемся к текущим делам. После событий у озера Хасан КДФ был реформирован в две отдельные армии. Штаб 1-й Отдельной краснознаменной армии, которой командовал комкор Г.М. Штерн, находился в Ворошилове-Уссурийском.

Вторая заметная проба сил с японцами состоялась через год и вошла в историю под названием «операция Халхин-Гол». Монгольская река Халхин-Гол дальше от Ворошилова-Уссурийского, чем озеро Хасан. Но японцы даже в Монголии японцы, а значит, наши злейшие враги. Три с половиной месяца (с 28 мая по 15 сентября 1939 года) продолжались бои. И все это время мы (и которые дети, и которые мамы) собирали и посылали на фронт посылки с подарками, писали бойцам письма.

Более шести десятилетий прошло с тех пор, но слова «Хасан» и «Халхин-Гол» остаются для меня свежими, не стертыми временем. У них есть свой запах – запах детства и запах эпохи.

Эпоха была трудной. Детство было счастливым. Сначала – детский сад под руководством мамы. Потом – школа. Учился я без напряжения. Иногда подводило чистописание (учили писать аккуратно, красиво). Хромала дисциплина. Школа плохо запомнилась. Основные интересы находились на просторах нашего военного городка. Там было все: и казармы, куда нас пускали, и разнообразные мастерские, где пахло железом и всякими гээсэмами, и спортивные площадки, и красноармейцы, которые с гоготом и воодушевлением за-

нимались нашим воспитанием.

Все мы были прилично вооружены. И не только рогатками. Совсем недавно в Приморье полыхала Гражданская война. Сохранились старые укрепления, окопы. Пистолеты, винтовки, сабли, обоймы с патронами буквально валялись под ногами. Все проржавело, стрелять было нельзя, зато махать, испуская при этом воинственные кличи, можно. Так что игры – а мы, естественно, сражались с японцами – протекали в обстановке, близкой к боевой.

Летом 1939 года мы с мамой отправились «в Европу». Поезда тогда шли не торопясь. Из Хабаровска в Москву дней десять. В вагонах знакомились, обживались, складывался свой быт. На каждой станции были привокзальные рынки. Опытные пассажиры знали, где самый вкусный варенец, где – пирожки с капустой, а где – соленые огурчики. По очереди бегали за кипятком.

Заехали в Кунгур, на Урале. Там тогда жили баба Маня с дочерью (маминой сестрой) Нюрой. Поразила красивейшая Кунгурская пещера. И еще почему-то запомнились вкуснейшие пироги с рыбой.

Следующая остановка – Москва. Было у кого гостить: два маминых брата – Владимир и Александр и сестра Мария. Жили на Соломенной сторожке, по тем временам – у черта на куличках.

Наконец – Ленинград. Остановились в Парголово у дедушки Леша и бабы Сани. Деревянный дом прямо на бере-

гу озера. В этом же доме жили немые. Вечерами они напились и часто дрались. Странная картина: драка без мата и пьяных криков – немые ведь.

Побывали в Детском Селе, в Петергофе. Мне уже 9 лет. Что видел, хорошо помню. В 1948 году увидел одни развалины...

Обратно добрались без приключений.

В сентябре 1940 года у меня появилась сестра Галя. Это, с одной стороны, заметно снизило внимание родителей к моей особе, увеличило количество степеней уличной свободы, а с другой – прибавило домашних обязанностей. На меня, в частности, было возложено хождение к колодцу за водой. Я же занимался курами. Вплоть до того, что должен был рубить головы обреченным на куриную лапшу.

По выходным дням отправлялись иногда на отцовской эмке за город. Купались и загорали на берегу речки под названием Суйфун (ныне, кажется, в пику китайцам переименована). Бродили по сопкам, собирали цветы. То, что в Европе на клумбах (пионы, гвоздики, лилии, ирисы и т. д.), в Приморье растет и цветет в «диком» виде. Между Суйфуном и нашим городком лежали бывшие рисовые поля. Такая большая шахматная доска, на которой клетки отделены друг от друга водой. Зимой, когда каналы застывали, а снега еще не было, можно было, используя ветер и полы собственного пальто вместо паруса, превращать себя в буер. Приличных скоростей достигали... Иногда Суйфун разливался. Когда вода

спаладала, каналы кишели рыбой. Надо было просто нагибаться и брать руками. Почему-то запомнились изящные змееподобные миноги...

В нашем мальчишечьем мире приближающиеся раскаты большой войны не ощущались. Война в Испании (а все мы носили испанки и знали такие слова, как «Мадрид», «Гвадалахара», «Теруэль») была в детском сознании войной против испанских «белых», против некоего абстрактного «фашизма». Договор с Гитлером (август 1939 года) совершенно прошел мимо моей памяти. Но очень хорошо помню журнал «Техника – молодежи», в котором с явной симпатией подавались захват Польши, наступление немцев в Европе. В общем, враги – японцы, а немцы – чуть ли не друзья. Что-то такое варилось в наших головах...

И вдруг – война! Первые впечатления испарились. Вторые – радость. Ну, вот мы им врежем! Все читали бестселлер Шпанова «Первый удар». Все видели кино «Если завтра война». Все пели:

Тогда нас в бой пошлет товарищ Сталин
И первый маршал в бой нас поведет!

Несколько дней, максимум – несколько недель, и мы в Берлине. Восставший немецкий пролетариат приветствует Рабоче-крестьянскую Красную армию.

Недели проходили. Немцы продвигались к Москве. А

вдруг ударят японцы? Все напряжены. К осени из магазинов – и так уж не очень богатых – практически исчезли почти все продукты. Поэтому введение карточек было встречено с одобрением – хоть минимум твердо обеспечен. На следующий год полегчало: у всех появились огороды.

Но наш огород – это уже Хабаровск.

Хабаровск. Вольница

В конце 1941 года отца перевели в Хабаровск. Если я не ошибаюсь, начальником узла связи штаба Дальневосточного фронта. В декабре отправились всем семейством: папа, мама, я и годовалая сестренка Галя. Плюс сопровождающий. На одной из остановок, кажется Бикин, объявили, что поезд будет стоять три часа. Я отпросился погулять. Когда вернулся, поезд уже ушел. На вокзале меня дожидался оставленный в Бикине сопровождающий. Через несколько часов подошел военный состав из Владивостока. Внезапно повезло. Нас посадили в вагон, в котором когда-то ездил сам Блюхер. Вагон шел пустым. Запомнились зеркала, мрамор, полированный стол с инкрустацией. Запомнились вкусные мясные консервы, в то время еще не американские.

В Хабаровске встречал отец. Встречал сурово...

Пять лет в Хабаровске были до предела заполнены взрослением по всем азимутам. В военном городке мой постоянный круг общения был ограничен десятком пацанов из

семей папиных сослуживцев. В краевой столице горизонты другие: и двор, и наша улица, и улицы соседние. Больше знакомств, больше разговоров, больше ситуаций, требующих выбора, решений. Начало прорезываться собственное «я». Сначала почти незаметная граница между этим самым «я» и остальным миром становилась все более четкой, видимой, осязаемой...

Жили мы практически в центре города в большом (этажей шесть, кажется, но без лифта) доме. Две комнаты. Вода (без ванной) и туалет. Отопление центральное, но на кухне плита, которую нужно топить дровами. Никаких просторов. Городской двор. Но были сараи (без кур). Помимо дров и всякого барахла в сарае стояла здоровенная бочка. К зиме она заполнялась квашеной капустой. При обычных для Хабаровска тридцатиградусных морозах капуста превращалась в камень. По мере кухонных надобностей меня посылали в сарай, чтобы топором откалывать от капустного монолита потребное количество продукта. И еще в сарае висели рыбины соленой кеты. Соленая отварная кета с картошкой – наш типичный обед военной поры. Причем вкуснейший, изысканный обед! Картошка в сарае зимовать не могла, поэтому для нее в квартире был отгорожен специальный угол.

Рядом с нашим домом располагалась школа военных музыкантов. Как бы музыкальные юнги. Мы с ними и дружили, и дрались, и табаком делились (первую свою затяжку я сделал, еще будучи учеником первого класса). В историю нашей

семьи школа юных военных музыкантов вошла со словами «геройский хлеб».

Курсанты должны были регулярно готовить стенды, посвященные войне. Для этих стендов позарез требовались фотографии Героев Советского Союза. А мы выписывали «Огонек», где в каждом номере помещались несколько таких фотографий. Мама вырезала их и меняла у курсантов на кусочки черного хлеба, которые они таскали из своей столовой. Я протестовал и даже плакал. Обидно было отдавать «героев». Но мама не считалась с моими обидами. Она кормила нас.

Для ясности. Отец уже был майором. Но того, что он получал, не хватало на четыре рта. Еле-еле сводили концы с концами. Самое голодное время – до осени 1942 года. То есть до первого урожая с первого огорода. Дальше пошло полегче.

Огород – это мой трудовой фронт. Вместо калашникова – лопата. Плюс еще каждое лето на месяц посылали в колхоз. Картошка – до горизонта. И, значит, – тятка. Так что натяпался вволю².

---

² Случайно сохранилось письмо, которое я отправил 15 августа 1943 года из колхоза домой. Сначала о питании. Завтрак: хлеб и пол-литра молока. Обед: или суп с картошкой, или борщ, иногда с мясом. Второго никогда не бывает. Ужин: толченая картошка со сметаной. Норма тятанья – 6 соток. Личный рекорд – 10. Еще собираем колоски. 10 процентов от собранных обещают отдать мукой. «Папа пишет, чтобы я не пил сырую воду. Но кипяченой здесь совсем нет». И ближе к финалу: «С каким удовольствием я сходил бы сейчас на наш огород и поиграл с Галей. Я очень по ней соскучился. И не только по ней – и по всем вам. Я бы согласился по нескольку раз в день ходить за молоком, за хлебом и за дровами...

Тогда телевизоров не было. Войну не видели. О войне читали и слышали. У нас на стене отец закрепил большую карту европейской части Союза. И согласно сводкам Совинформбюро мы три года двигали флажки сначала с запада на восток, до Сталинграда и Каспийского моря, а потом – с востока на запад, до Берлина. Это – на всю жизнь. Закрываю глаза и вижу ту карту с линией флажков... И еще почему-то вижу книгу знаменитого немецкого генерала Гудериана «Внимание, танки!». Она была переведена на русский язык в серии «Библиотека офицера». К сожалению, предупреждение Гудериана не было воспринято достаточно серьезно. Впрочем, это отразилось не на судьбе Гудериана, а на цене его поражения.

После прорыва блокады Ленинграда к нам добралась папина мама – баба Саня. Худющая и больная. Выздоровела. Но несколько месяцев прятала у себя под подушкой, рядом с Евангелием, кусочки черствого хлеба, какие-то остатки пищи. Комплекс долго голодавшего человека.

Победу я встретил, находясь под домашним арестом. Арест наложил на меня отец. И правильно сделал. 1 мая 1945 года я первый раз (не последний, увы!) напился. Пили дома у приятеля (помню, Славка Крапан), мама которого работала где-то по буфетной части. Было много красивых бутылок. В общем-то мы собирались пойти в театр на «Свадьбу в Ма-

---

Только теперь я понял, как сильно люблю Галинку и всех вас». Вот так. Жизнь учит.

линовке». Но «собирались лодыри на урок, а попали лодыри на...»... Домой я добрался на автопилоте и без пальто. Пальто по тем временам – это вещь. Поэтому положили меня на пол и обливали холодной водой. Признание не исторгли. Однако нашли номерок от гардероба. Оказывается, мы таки пришли в театр, разделись, были перехвачены контролерами и ушли не одеваясь. Мама сбегала в театр, и пальто было спасено. Вот за это художество отец запретил мне две недели покидать стены родного дома.

А тут победа! Арест был снят.

Победа над Германией для нас означала приближение войны с Японией. Все знали, что эта война неизбежна. Все были уверены (но не уверенностью 1941 года), что победим. Тем более что на Тихоокеанском театре союзники уже почти добились Японии.

На улицах Хабаровска все чаще можно было встретить солдат и офицеров, обвешанных орденами и медалями. Это означало, что переброска войск с запада на восток идет усиленными темпами. 9 августа – это день моего рождения – мы, выполняя обещание, которое Сталин дал Рузвельту и Черчиллю, начали войну.

О том, почему отец не участвовал в войне, я рассказывал.

В Хабаровске война не чувствовалась. Кажется, 9 августа была одна воздушная тревога.

Зато хорошо чувствовались результаты войны. Из Маньчжурии везли все, что можно. Продукты и одежду в основ-

ном. Мама перешивала для меня японские гимнастерки и кителя. Цвета хаки. Помню японских пленных, они строили...

Посещал, как положено, школу. Нравы были простые и суровые. Когда я первый раз появился в новой школе, в меня ткнули ножом и порезали овчину (так тогда именовались дубленки). Обучение было то раздельным, то совместным. Переводили из школы в школу, за пять лет сменил четыре школы. Учился я без натуги, легко. Но вот учителя не помню ни одного.

Но хорошо помню старого-престарого еврея-сапожника, который в кружке при школе № 35 учил желающих сапожно-му делу. Мне удалось освоить ремонт валенок. Не знаю, как сейчас, но тогда зимой все были в валенках или бурках. Так вот, накануне зимы мама выстраивала в коридоре все наши валенки, и я должен был приводить их в порядок.

В 1944 году вступил в комсомол. Без эмоций. Потому что все вступали.

В восьмом классе произошло событие, которое, наверное, повлияло на мой жизненный путь. Мне в руки попался расстрепанный том Соловьева, начало XVI века, Смутное время. Открыл и не мог закрыть, пока не дочитал. Что-то во мне произошло. Мне стало интересно узнавать, знать, понимать.

Тогда же у нас дома появился 1-й том сочинений Сталина. Там была одна из ранних работ Сталина «Анархизм или социализм?». Философский детский сад. Это я теперь вижу.

А тогда с трудом продирался сквозь дебри непонятных слов. Обложился словарями, делал выписки, чуть ли не наизусть учил. Одолевал все же. Вот так с тех пор и одолеваю...

И Соловьев, и Сталин – все это было помимо школы, независимо от школы. Но как-то, видимо, отражалось на моих ответах по истории и литературе. На сочинениях. В них что-то озадачивало учителей. Они не были лучшими (или худшими) по принятой шкале, они были другими.

А еще вдруг обнаружились девочки. Не менее интересные, чем Сталин или Соловьев. Правда, моя первая любовь случилась еще до школы. Ее звали Лена Селяева. Родители наши дружили, ну и мы старались не отставать. Потом – большой перерыв. А с восьмого класса началось обучение танцам. Дома, под патефон. «Брызги шампанского», «Листья падают с клена», «Риорита» и прочие шлягеры тех лет. Моей главной учительницей была Валя Агафонова. Тут я был круглый отличник. Более или менее регулярно, выпроваживая родителей в гости или в театр, устраивали вечеринки. Девчонки что-то готовили, мужская половина обеспечивала вино. Танцы до упаду. Допускались поцелуи.

С девочками связан первый, пожалуй, выход за пределы «морального уровня». Мы, то есть несколько оболтусов, составили список девочек нашего класса и выставили им оценки по нескольким номинациям. Точно не помню, но примерно так: ум, красота, фигура, характер. От единицы до пятерки. Список пустили по классу. Двоечницы обиделись и

пошли к директору школы. Подключили району. Поднялся шум. Выручило то, что среди оболтусов находился сын первого секретаря Хабаровского крайкома ВКП(б) Володя Назаров. Шум постепенно затих.

Кстати, о птичках. Назаровы жили в роскошном крайкомовском особняке недалеко от школы. Шла война. Растущие организмы требовали пищи, а ее не хватало. Так Володя иногда заводил через черный ход весь класс куда-то в район кухни, и нас там кормили. И еще, кстати. Рядом располагался особняк уполномоченного НКВД по Дальнему Востоку С.А. Гоглидзе. Эту фамилию все произносили шепотом. Почему – узнал значительно позднее.

Но вернусь к танцам. Очень любил. В конкурсах участвовал, призы брал. Коронный номер – вальс-бостон. Или фигурное танго. Летом танцевали на танцплощадках. Нечто вроде загона: настил из досок и ограда. Бери в кассе билет – и вперед. Я ходил в сад Дома офицеров. Покупал месячные абонементы. И каждый вечер (с семи часов) как на работу. Танцевали (стандартный набор – вальс, танго, фокстрот). Выясняли отношения. Порой дрались из-за девчонок.

Занимался гимнастикой. С нынешней не сравнить. Тогдашний 1-й разряд теперь и на 3-й, наверное, не потянул бы. Наш тренер был сторонником силовой гимнастики. Качали мышцы. Потолок – 3-е место на краевых соревнованиях среди мальчиков.

Конец последнего хабаровского лета провел на берегу

Амура в пионерском лагере в качестве старшего вожатого. По возрасту я не подходил. Но, видимо, учли уже явно не школьную фигуру. И слухи ходили: «Он Сталина читает!» Недалеко от лагеря находилась база Краснознаменной Амурской флотилии. Военные моряки, значит. Они кружили вокруг лагеря, проникали на территорию и буквально охотились на наших вожатых (женского пола) и девиц из первого отряда. Одна из главных моих задач состояла в том, чтобы пресекать наглые посягательства. До рукопашных доходило. Не помогало. Ибо не только моряки рвались к девицам, но и девицы к морякам. Да я и сам погряз в скоротечных романах. Вздыхал около Лиды Шарахиной (с ней много лет спустя судьба свела в Москве). Целовался с Корой Бачининой. А медицинская сестра, которую звали Фея и которая училась на третьем курсе мединститута, угощала спиртом из аптечки и учила уму-разуму.

Дома, в семье, все шло своим чередом. Отец был вечно на службе. Мама была занята Галей, младшей сестрой. Меня держали на очень длинном поводке. В девятом классе было легализовано курение. Только отец просил при нем с сигаретой не возникать. Поясняю. Тогда в Союзе курили папиросы. Сигареты появились во время войны, американцы снабжали нашу армию. Отец, заядлый курильщик, получал в месяц одну-две упаковки по сто сигарет каждая. Пока я был в нелегальном режиме, приходилось брать иголку и аккуратно (на уголках) вытаскивать из каждой упаковки несколько си-

гарет. Потом отец стал делиться.

Особых огорчений я не доставлял. Иногда, но редко, попадал в милицию. Драки и разборки мелкого масштаба. Разгуливал в обычной уличной «форме» (косил, сказали бы сейчас, под бластного). На голове – кепочка-восьмиклинка с утопленным козырьком и маленьким «громоотводиком». На ногах – мягкие, собранные гармошкой сапожки-«джимми», брюки напуском. Во рту – золотая (в смысле – желтая) фикса. Обязательно – треугольник тельняшки. Перед возвращением домой фикса снимал.

Мои школьные дела не требовали вмешательства родителей. Меня не надо было заставлять делать уроки. Отметки я приносил вполне приличные.

Родителей трудно назвать интеллигентными людьми. Они мало читали. Впрочем, сколько я помню, всегда выписывалась «Роман-газета». Так что были в курсе литературных новинок. Не интересовались музыкой, живописью, театром. Во всяком случае, я не помню каких-либо разговоров на эти темы.

Меня специально не воспитывали. Просто жила семья, где мама и папа были умными, добрыми, порядочными людьми.

Отец был очень сдержан, строг, аккуратен до педантичности. «Если я говорю в девять часов, – втолковывал он мне, – то это не значит без пяти девять или три минуты десятого. Это значит именно девять». И втолковал. Никогда не опаздываю. И еще втолковал, чтобы каждая вещь лежала на сво-

ем месте. Поэтому не приходится искать ключи, очки, нужные книги и т. п. Почти не пил. Держал себя в хорошей физической форме.

Мама была другой. Душевная, веселая, заботливая. Материца срезать острые углы. Вряд ли ее радовало, что во мне воспроизводилась борисовская порода: любовь к застолию («кабацкая ты душа», – ворчала она), увлечение нежным полом, некая расхристанность, стремление нарушить меру там, где этого делать не следовало бы. И еще – великолепная хозяйка. Прекрасно готовила и шила. Ее хлопотами существовал дом, в котором всем было хорошо.

Родители были максимально внимательны друг к другу. Наверное, между ними возникали какие-то нескладушки. Но они возникали и гасли там, куда дети не допускались. Думаю, что это была одна из тех редчайших семей, где муж и жена никогда не обманывали друг друга.

Заряд здравого смысла и сердца, простая, честная жизнь, доверие и уважение друг к другу – вот в такой атмосфере, в таком духовном климате я рос, превращался из ребенка в юношу, в человека. Оглядываясь назад, я не могу сказать, что полностью сохранил в себе то наследство, которое передали мне родители. Что-то ушло, было разъедено суетой и мельтешением, в которые приходилось погружаться. Были эпизоды, вспоминая о которых я до сих пор краснею. Но в целом заряд, полученный от родителей, спасал меня всю жизнь.

И вот еще что. В доме никогда не велось каких-либо политических разговоров. Точнее, политических разговоров с фрондерским оттенком. При мне, во всяком случае. Не знаю, насколько это была осознанная установка. Но выполнялась она неукоснительно. Возможно, это затормозило мое политическое созревание. Но зато отсрочило на десяток лет мучительные раздумья и сомнения...

Горький. Каток вместо танцплощадки

Из Хабаровска мы уезжали в начале января 1947 года. Отец получил назначение в Горький. Часть, которой он командовал, располагалась в кремле. Там мы и жили. Прямо в казарме. Сначала в одной огромной комнате. Половина – наше семейство, другая половина – семейство папиного заместителя. Позже заместитель перебрался в отдельную комнату, а нам прирезали вторую, маленькую. Это были мои личные апартаменты. С отдельным входом. И собственным ключом.

Определили меня в мужскую школу № 14. Пешком минут тридцать хода. Притирка к классу прошла без проблем. Проблема находилась вне школы. В Горьком, конечно, тоже танцевали. Но зимой светская жизнь, свидания и ухаживания перемещались на катки. Мой хабаровский опыт по этой части был примитивен. Катков не помню. Вместо катков использовались улицы, покрытые утрамбованным сне-

гом. Прикрутить веревкой коньки (снегурки) на валенки, в руке железный прут с крючком на конце, прицепиться этим крючком к грузовику – и полный вперед!

А в Горьком прекрасные катки, музыка, все залито светом. У большинства – гаги (вроде хоккейных), у пижонов – норвеги (гоночные). И не просто катаются, а выделывают всякие штуки. Ничего такого я делать не умел. Пришлось срочно учиться. Обзавелся гагами, и каждый день сразу после уроков (еще светло, и катки почти пустые) – на лед. Театр одного актера. Огромное удовольствие доставлял мальчишкам. Вволю напался, но недели через три появился вечером на катке. Горьковские навыки потом пригодились в Москве. Освоил и ЦПКиО, и Сокольники, и Лужники...

В Горьком меня накрыла первая любовь. Звали ее Светлана Конюхова. Где с нею встретился – не помню. Помню, где жила. Двухэтажный деревянный дом, халупа по-нынешнему. Хотя отец ее был каким-то чином в КГБ. Помню дачу на берегу Волги, куда я повадился приезжать. Но зря. У Светланы, как она сама мне сообщила, развивался бурный роман на другом направлении. В порядке самоутешения я занялся охмурением одновременно целой серии девиц (одна была даже кассиршей в гастрономе). Оттягивало, но не помогало.

Промежуточный итог был подведен 18 мая 1948 года. Дату помню точно, ибо за два дня до выпускного сочинения. Не знаю, как сейчас, но тогда все десятые классы писали сочи-

нение 20 мая. Сюжет был прост и традиционен. Некто Виктор Филиппов, учившийся в параллельном десятом классе, сказал какую-то гадость о предмете моих страданий. Перчатку, по понятным причинам, я бросить ему не мог, вызвал за школу и дал по морде. К моему удивлению, он утерся и ушел. И стал, как мне передали, брать уроки бокса. 18 мая уже он вызвал меня за школу. Зрители образовали круг, и битва началась. Дрались мы минут тридцать. Кончили, потому что устали бить друг друга. Выдохлись. Умылись – и по домам.

Видок у меня был тот еще. Но у Виктора – хуже. Он был выше меня, так что я бил снизу вверх, по физиономии. А его удары шли сверху вниз, доставалось моей голове, и ссадины скрывались под могучим волосяным покровом. Мама его упала в обморок, увидев сыночка. Моя мама в обморок не упала. Во-первых, ее предупредил дежурный, когда я прошел пост. А во-вторых, мои повреждения были действительно менее заметны.

Оставшиеся до сочинения полтора суток я провел во всяких примочках. Сочинение написал на «отлично».

Виктора Филиппова я потом встречал в Москве. Повспоминали.

У Светланы не сложилась жизнь. Встречались с ней несколько раз – и в Горьком, и в Москве. На руинах.

Сохранилась ее фотография с надписью: «Есть два похожих слова – «помнить» и «вспоминать». Я хочу, чтобы ты меня помнил».

Последний раз был в Горьком в сентябре 2001 года. Проехал мимо ее дома. Зашел за школу, постоял на месте майского побоища. Значит, помню...

Через Горький прошла и там же кончилась музыкальная полоса моей жизни. Чтобы я меньше болтался летом без дела, отец определил меня в курсантский духовой оркестр. На должность барабанщика. Здоровый барабан и медные тарелки – вот мое хозяйство. Для лучшего звучания барабана перед каждой игрой нужно было поджигать газету и водить огнем у барабана, кожу натягивать.

Были мы почти на хозрасчете: играли в пионерских лагерях, домах отдыха, санаториях, которых было полно в окрестностях Горького. Платили нам натурой (кормили то есть) и деньгами. Иногда поили. Играли в основном танцы.

Когда начался учебный год в школе, мы подпольно собрали так называемый трио-джаз: ударные (теперь уже не большой барабан, а маленький, правда, без нынешних наворотов), скрипка и аккордеон. Плюс девочка-певица. По субботам и воскресеньям в той же зеленой зоне Горького зарабатывали танцами. В принципе джазы тогда не приветствовались. Но нас терпели. До поры до времени. Гонения начались тогда, когда в школе возник настоящий джаз и нагло заявил себя в городском конкурсе школьной самодеятельности. В конце концов джаз был реабилитирован. Но к тому времени я уже перенасытился музыкой и отрулил в сторону.

В классе дела шли своим чередом. Подобралась теплая

компания из четырех человек. Андрей Сергиевский, Марат Кочаровский (кличка – Боцман), Стас Севастьянов (кличка – Хряк) и я. Вместе учиняли всяческие баламутства. Ходили по каткам и женским школам. Иногда ударяли по пиву и портвейну «Три семерки» (он же – «Три топорика»). Чуть ли не двадцать раз смотрели «Девушку моей мечты». В порту разгружали муку и сахар – не будешь же у мамы просить деньги на пиво.

Образовали общество «Друзей тянучки». В бумагах обнаружил нечто вроде рекламной листовки. Она выглядела так:

**КАЖДЫЙ,
КТО ВСТУПИТ В ОБЩЕСТВО
«ДРУЗЕЙ ТЯНУЧКИ»,
ПОЛУЧИТ ВОЗМОЖНОСТЬ РАЗ В НЕДЕЛЮ
ВКУСИТЬ НАЯВУ СЛАДОСТЬ
РАЙСКОГО БЛАЖЕНСТВА И ОТВЕДАТЬ**

**ВКУСНЕЙШИХ!!!
СЛАДЧАЙШИХ!!!
АРОМАТНЕЙШИХ!!!
ТЯНУЧЕК.**

**ЛУЧШИХ ТЯНУЧЕК
НЕ БЫЛО И НЕТ!
ГОТОВ ТЯНУТЬ
ДО СТАРОСТИ ЛЕТ!**

Спешите записаться.

Мы действительно в здоровенной кастрюле варили тянучечную массу и делали из нее тянучки. Каждый, кто собирался вступить, должен был прочитать неизвестное нам стихотворение. Потом большая ложка горячего полуфабриката выливалась ему на голову.

Заседания общества – это чаепитие и разговоры до изнеможения.

Андрей окончил Горьковский университет и в 35 лет был назначен директором Горьковского исследовательского физико-технического института при ГГУ, а через несколько лет стал директором Научно-исследовательского института прикладной математики и кибернетики. Директорствовал до пенсии. Потом просто работал. Инсульт сгубил его 14 мая 2000 года.

Марат, уже будучи взрослым, продолжал придумывать жизнь, искать нестандартные варианты. Как-то, находясь на природе, пытался спрятаться от дождя не в примитивной палатке, а в пещере, и был засыпан осевшей породой.

Стасика болезнь одолела.

Мне повезло. Еще жив и даже помню.

Весь десятый класс я находился в каком-то шизоидном состоянии. С одной стороны, мне взбрело в голову стать дипломатом. Что послужило первотолчком, не могу вспомнить. Не исключаю, что трехтомная «История дипломатии», которую я штудировал как раз в десятом классе. Но, с дру-

гой, – взрывы в Хиросиме и Нагасаки сделали модной физику, а значит, и математику. Физикой занимался по учебникам для вузов. Математику одолевал по известному курсу Фихтенгольца «Математика для инженеров», который обнаружил у отца. Любил всякие замысловатые задачки, которые публиковались в журналах для учителей («Математика в школе» и «Физика в школе», так они, кажется, назывались).

Первые и единственные фамилии учителей, которые остались у меня в памяти: Гусак, директор нашей школы, он преподавал физику. Вызывал меня в свой кабинет, вручал дореволюционный задачник по физике и требовал, чтобы я решал подряд штук по двадцать. «Когда решишь – пойдешь домой!» И я решал – к нашему общему и вящему удовольствию. Математику преподавала Мария Васильевна Самсонова. И тоже тренировала мои мозги.

Помню еще преподавателя логики. Как звали, забыл, а человека помню прекрасно. Фронтоник. С орденами и без руки. Он пытался учить нас логике жизни. Тогда это было почти невозможно. Но, повторяю, он пытался.

В десятом классе, если не раньше, начинаются разные завихрения по поводу распределения медалей. Когда я возник, в нашем классе все было предопределено. Золотая медаль предназначалась вечному отличнику, кандидату в мастера по шахматам Борису Архангельскому. Такой был аккуратный мальчик. Всеобщая надежда. Но поскольку мне ужасно не хотелось сдавать экзамены в вуз, нужно было получить

золотую медаль. И получил. За все приходится платить. По указанию школьного начальства пришлось произносить благодарственную речь на собрании выпускников Горького. Это была первая сочиненная мною речь. Но – для себя.

Выпускной вечер как-то не запомнился. Зато в памяти выпускной день. Для меня и для Сергиевского мама наварила пельменей. По сто штук на нос, точнее, на рот. И мы управились. Сейчас даже поверить трудно. Но молодые, растущие организмы...

А от экзаменов я все-таки не избавился. По просьбам неуверенных в себе одноклассников сдавал за них экзамены (физика и математика) в пять горьковских институтов. Пижонил: «Гарантирую, – говорил, – пятерки». Переклейка фотографий, печати – все это меня не касалось. Получал бумагу и отправлялся в назначенный институт.

Дважды возникали нештатные ситуации.

Первая – в университете. Мой подшефный письменную математику сдавал сам, но потом попросил меня сдать устный экзамен и еще физику. Ладно, буду выручать. Беру билет. Элементарно. Иду к доске практически без подготовки. Отвечаю. Начинаются вопросы. Три доски исписал. Уж надоело. Оказывается, мой приятель еле-еле на тройку написал. И когда я начал бодро тараторить, преподаватели подумали, что шпаргалка. Пришлось с ходу придумать, что тогда переутомился, голова очень болела, плохо соображал. Обошлось.

Вторая – в Институте инженеров водного транспорта. Взял билет. Сижу, жду очереди. И вдруг в аудиторию входит и садится рядом с экзаменаторами отец знакомой мне девочки. Я бывал у них дома, даже чай пил со всем семейством, включая папу (он же – доцент этого института). Что делать? Закрыв лицо ладонями, мотаю головой, пропускаю одну очередь за другой. Так и сидел, пока доцент не ушел. Достали меня потом вопросами, но отбился.

Взаимовыручка. Последний раз я занимался этим богоугодным делом в Москве, когда учился в аспирантуре философского факультета МГУ. Сдавал экзамены за брата Жору (брат был двоюродный, только что демобилизовался) в электротехнический техникум. По всем предметам (кроме химии). Тоже был казус. Для сочинения дали четыре тетрадных листика. Исписав их, я попросил добавку. «Не надо, – сказала юная преподавательница. – Чем больше напишете, тем больше будет ошибок». Я скромно заметил, что ошибок не делаю. Она молча протянула целую пачку листов. Пришлось ошибок не делать...

Летом 1948 года отправился я в Москву учиться на дипломата. Прямо в Дипломатическую академию. Дежурный мне вежливо разъяснил, что в академию принимают только с высшим образованием. На мой вопрос ответил: в принципе с любым, но лучше с юридическим или историческим. После чего я отправился на юрфак МГУ. Сдал документы. Выдержал полагающееся медалисту собеседование (про план Мар-

шалла интересовались). Судьба выступила в лице общежития. С общежитием у нас туго, уведомили меня. А в Ростове-на-Дону, откуда вы приехали, есть университет, а в нем – юрфак, а на юрфаке – отделение международного права. Вам будет там даже удобнее.

Поясняю. В начале лета отец получил назначение в штаб Северо-Кавказского военного округа, который находился в Ростове-на-Дону. Поэтому в анкете, которую я сдал в МГУ, был указан уже ростовский адрес.

Возможно, если бы я стал сопротивляться, нашлось бы и общежитие в Москве. Но не были мы тогда приучены сопротивляться, «качать права». И поэтому покорение Москвы было отложено на восемь лет.

Ростов-на-Дону. Университет

Пять ростовских лет – время перестройки. Моей перестройки. Куколка превращалась в бабочку, или – кому как нравится – головастик в лягушку. К умению говорить, читать и писать постепенно добавлялось умение думать. Думать самостоятельно, то есть сомневаться, не верить тому, что слышишь, и даже тому, что видишь. Выяснялось, что кроме «Брызг шампанского», «Марша энтузиастов» и «Каким ты был...» есть еще другая музыка и что даже та опостылевшая литература, которую «проходили» в школе, на самом деле является совсем другой. И еще можно ходить в театр,

не только в кино. В общем, как теперь понятно, был я серым провинциальным валенком. Спортсмен, комсомолец, отличник, но – валенок...

Готовый продукт из полуфабриката выделялся в университете. Когда-то, до 1914 года, это был Варшавский университет, из-за войны его эвакуировали в Ростов, и назад он не возвращался. К середине XX века от мятежного польского духа ничего не осталось. Нормальный советский университет. Да еще «им. В.М. Молотова». И все же идеологическая монотонность не была абсолютной. Трава пробивается сквозь асфальт. Так и мы продирались сквозь могучие наслоения официальных установок. Во всяком случае, кто хотел, мог подраться.

Половину мужского наличия нашего курса составляли фронтовики. Даже один Герой Советского Союза. Фронтовики были старостами групп. Действовала курсовая партийная организация. Это создавало особую атмосферу. Дисциплина, внутренняя подтянутость, неприятие расхлябанности. Чувство ответственности за то, что делаешь (или – не делаешь). Не всем это нравилось. Но у меня не возникало протеста. Наверное, сказывалось отцовское воспитание, влияние армейской среды. Тем более что атмосфера первых послевоенных лет на факультете вполне сосуществовала с атмосферой обычной, классической студенческой жизни. Правда, не всегда мирно.

Уже на первом курсе сложилась компания: три фронтови-

ка – Саша Гужин, Коля Сазонов, Жора Прозоровский – и я в качестве объекта воспитания. Воспитание шло по разным линиям. После каждой стипендии мы отправлялись в заведение «Красный мак» и пили пиво. Как правило. Иногда допускались исключения, и пиво выступало только как «прицеп». На эту ритуальную линию накладывалась другая, содержательная, – разговоры «за жизнь». Они говорили, я слушал. За пять лет «жизнь» была пройдена вдоль и поперек. Горький опыт войны и несладкий опыт мира. Но обязательно – с надеждой!

Друзья мои были коммунисты. И уже где-то со второго курса стали мне втолковывать, что пора подумать о вступлении в партию. И я думал. Не в рассуждении карьеры, – кто в девятнадцать лет думает о карьере? А потому что среди людей, которые меня окружали, с которыми мне приходилось сталкиваться, коммунисты выделялись в лучшую сторону. Были, если угодно, примером. Не все, конечно. Но – многие. И потом нельзя, разумеется, не учитывать всю совокупность мифов советской эпохи, внутри которой я формировался.

Первый заход был неудачным. Отклонили. Оказалось, что у меня два выговора. От деканата (за курение в аудитории) и от ректората (за что, уже не помню). Когда канитель со снятием выговоров была кончена, пошел на второй заход. На третьем курсе приняли кандидатом в члены ВКП(б). Отметим (с исключением из правила) в том же «Красном ма-

ке»...

Тональность, которую я использую здесь, во всеоружии скепсиса и самоиронии, была бы неуместна пятьдесят лет назад. Тогда вступление в партию воспринималось как рубеж, как веха, обозначающие приобщение к могучему отряду тех, кто идет впереди, кто прокладывает и т. д. и т. п. Сегодня такие и аналогичные слова звучат почти как пародия. Но для моего поколения они, эти слова, сохраняли свой первоначальный смысл.

Весной 1952 года пришло время переходить из кандидатов в члены партии. Но тут плавное течение событий было прервано. Один из рекомендующих – Саша Гужин – предложил поговорить. Отправились на набережную Дона. Сели на лавку.

– Я уверен, что ты будешь хорошим коммунистом. И я хочу тебе сказать, что наша партия серьезно больна, – так начался разговор. Вернее, продолжавшийся больше часа монолог Гужина. Если говорить привычными теперь словами, это было разоблачение культа личности Сталина. Сокращенный доклад Хрущева XX съезду КПСС, только произнесенный за четыре года до съезда. Тут было все: и фальсифицированные процессы «врагов народа», и выселение народов, и отступление до Волги, и отсутствие внутривнутрипартийной демократии, и нетерпимость к любым проявлениям духовной независимости, свободы. Все, в общем...

Можно сказать, что я обалдел, слушая Гужина. Можно.

Однако «и жизнь, как тишина осенняя, подробно». Какие-то обрывки, фрагменты, детали того, о чем мне говорилось на берегу Дона, и раньше доходили до меня в разное время и в разных упаковках. Но мальчишеская голова, заполненная совершенно другими проблемами, отталкивала все эти тайные шепоты, не задумывалась над ними. Теперь мне шел уже двадцать второй год. Теперь я уже начал думать. И шепоты, сказанные громко, объединенные в систему, привели меня в состояние, близкое к обалдению. Я задал несколько вопросов, мы встали и пошли.

Гужин, конечно, рисковал. Но верил мне и не ошибся. Я несколько раз пытался вернуться к тому разговору. Саша делал это неохотно. Видимо, был порыв и иссяк. Как бы то ни было, мое политическое образование началось. Когда умер Сталин, я не плакал.

Александр Тихонович Гужин впоследствии стал деканом того факультета, на котором мы вместе учились. Редко, но мы встречались. Печально, что с каждым разом становилось все труднее находить общие темы для разговора. А теперь и его нет.

Учебные дела шли нормально. Все экзамены сдавал на «отлично». Это был своего рода спорт. Шел отвечать всегда первым. Начиная со второго семестра срабатывала примитивная схема. Знать надо было на твердую тройку. Еще один балл давало нахальство, уверенный вид. И один балл давал «имидж» отличника. В итоге – искомый результат.

Собственно правовые дисциплины мало интересовали. Зато с головой погружался в историю государства и права, историю народного хозяйства, в историю вообще. С увлечением занимался политической экономией и философией. Одним из любимых предметов была история КПСС.

Довольно часто приходится читать стенания бывших студентов: какой ужас эта история КПСС, какая скука... Сначала я тоже так думал. Потом пошел в городскую библиотеку и начал читать стенограммы съездов и пленумов. Как это ни странно, они находились в открытом доступе (до XVI съезда, кажется). Интереснее любых детективов. Или, например, примечания к 3-му изданию сочинений Ленина. Там и была настоящая (почти?) история КПСС.

В университете я написал первую статью в газету «За советскую науку» (орган парткома, ректората, комитета ВЛКСМ, профкома и месткома). Жалея читателей, статью не воспроизвожу. Хотя и первая публикация.

Преподавали нам в общем вполне приличные, знающие свое дело люди. М.А. Тарасов (гражданское право), П.А. Соловьев (история государства и права), Л.Э. Ландсберг (гражданский процесс), И.И. Малхазов (уголовный процесс). Помню проштрафившихся и сосланных в Ростов москвичей: К.М. Симиса, А.М. Сахарова, Н.В. Черноголовкина.

Из того, что я смог получить в Ростовском университете, 40 процентов я бы отнес на образование, а 60 процентов –

на самообразование. Причем самообразование охватывало не только право с его гуманитарными окрестностями, но и области весьма от них далекие.

Если мое политическое образование, политическая биография связаны с друзьями-фронтовиками, то мое самообразование, многие мои интересы и пристрастия по части науки и культуры определялись тесными контактами с «лицами еврейской национальности». Впрочем, это замысловатое выражение было пущено в ход гораздо позже. Оно явилось порождением некоей большевистской «политкорректности», ибо господствующая идеологическая бюрократия видела в слове «еврей» вульгарные, унижающие, оскорбительные оттенки. И потом, это слово ассоциировалось с «еврейским вопросом». А такого вопроса, как утверждало начальство, не было. Но если нет вопроса – какие «евреи»? Зачем они?.. И слово, понятие «еврей», оставаясь обязательным для «пятого пункта», надолго исчезает из политического лексикона.

До приезда в Ростов я вообще никогда и ни в каких смыслах не сталкивался с еврейской тематикой. Не помню, чтобы дома, в школе, на улице как-то затрагивалась эта тема. В классе были евреи, но они не воспринимались в таком качестве. Наверное, были и антисемиты. Но они как-то мне не попадались.

Все изменилось в Ростове. Говоря нынешним языком, там была большая еврейская община. Ее составляли не столько евреи местечкового типа, сколько своего рода еврейская

аристократия. Образованные, интеллигентные люди, с развитым чувством собственного достоинства. С их детьми я и столкнулся на юрфаке. Если не считать умения выпить, сделать стойку или дать по зубам, то в остальном я не тянул на уровень «аристократов духа». Сейчас это понимаю. Тогда вряд ли согласился бы с формулой поражения. Но, общаясь с новыми знакомыми, смутно ощущал какое-то неудобство, скованность. И тянуло: было интересно разговаривать.

Постепенно параллельно с квартетом, где музыку заказывали фронтовики, сложилось трио, где первенствовали евреи. С Аликом Ханом и Борисом Френкелем мы тоже говорили «за жизнь». Но за другую: не столько бытие, сколько сознание.

В конце 40-х эта другая жизнь, жизнь идеологическая, была ключом. И была больно. Иногда очень. Война привела к повзролению общества. На смену энтузиазму послереволюционных лет приходил умеренный скепсис, стремление критически посмотреть по сторонам, разобраться в происходящем. Такие настроения особенно были заметны среди ученых, литераторов, вообще – творческой интеллигенции. И эти настроения беспокоили Сталина, партийную верхушку.

Еще один повод для беспокойства был связан с провозглашением Государства Израиль и разгромом антиизраильской коалиции арабских государств. Усилилось брожение среди советских евреев. Обретало более четкие формы национальное самосознание. Обнаружилось немало желающих

принять участие в войне Израиля за независимость. Еще больше евреев хотели уехать на свою историческую родину, принять участие в становлении еврейского государства. Восторженный прием был оказан в Москве Голде Меир – первому послу Израиля в Советском Союзе.

Было решено навести порядок.

Первые залпы раздались в августе 1946 года. Ударили по журналам «Звезда» и «Ленинград», а конкретно – по «пошляку и подонку» Зощенко и по «типичной представительнице... пустой безыдейной поэзии» Ахматовой. В июне 1947 года, организовав дискуссию по книге Александрова «История западноевропейской философии», партия перешла в наступление на философском фронте, обвиняя философов в «беспринципности и безыдейности», в «раболепии, низкоклонстве перед буржуазной философией». В августе 1948 года главным полем сражения стала биологическая наука. На знаменитой сессии ВАСХНИЛ академик Лысенко с благословения Сталина разгромил «вейсманистов-морганистов» и вместе с ними современную генетику.

Выражаясь нынешним языком, впитавшим реалии Вьетнама, Афганистана, Чечни, обозначенные выше факты можно квалифицировать как «точечное бомбометание». К бомбометанию ковровому власти перешли в начале 1949 года после статьи «Об одной антипатриотической группе театральных критиков», которая была опубликована в «Правде» 28 января. «Безродные космополиты» – так была обозначена

цель. Тут уж идеологическая молотилка заработала на полную катушку. Не было ни одной отрасли культуры, где бы не велись поиски и разоблачение «беспачпортных бродяг», где бы не боролись с «низкопоклонством перед Западом». И здесь сработал закон больших чисел. Среди сотен «разоблаченных» имен не менее 90 процентов принадлежало «лицам еврейской национальности». Все вставало на свои места. Идеологическая кампания имеет четкую антисемитскую составляющую. Об этом нигде не говорилось вслух. Но это понимали все.

Разумеется, в то время, о котором идет речь, я не воспринимал события в их истинном виде. Многого не знал. Многого не понимал. Однако слово «антисемитизм», понятие «антисемитизм» стали наполняться реальным содержанием.

Вот что интересно. Собираясь после лекций (как правило, у Хана – квартира была большая), мы, то есть трио, которое иногда раздвигалось до квинтета и даже октета, как бы вынося антисемитизм за скобки, пытались вникнуть в существо проблем, которые волею властей оказывались в центре внимания.

Первой такой проблемой стал «вейсманизм-морганизм». Юридический факультет, студенты первого курса... Какое им дело до биологии? Дела не было, был интерес. Мы распределили темы, обложились специальной литературой. Месяц читали. Потом – бурные, шумные дебаты. Наверное, целую ночь кричали. Не зря – мушка-дрозофила была реабилитирована.

литирована.

За пять лет вспоминается: мезомерия и резонанс в химии, оценка движения Шамиля, «социалистические нации», азиатский способ производства. Последней темой наших штудий было языкознание под разными соусами. В общем, развивались по всем азимутам. Значительно позже, вспоминая эти интеллектуальные пиршества, мы удивлялись двум вещам. Почему мы всегда выруливали на «неправильную» точку зрения? Почему не тронули нашу подпольную «академию»?

«Академия» была делом сугубо мужским. Но она не перекрывала интерес к женщинам. «Основной инстинкт»? Конечно. Но не только. Женщина как некий облагораживающий, окультуривающий фермент. Надо мной взяла шефство Лина Крылова. Она сама музицировала и пела. А меня стала водить в филармонию, на концерты Ростовского симфонического оркестра. Я оказался хорошим учеником и довольно быстро сообразил, что музыка может существовать отдельно от Крыловой.

От Крыловой пошли круги знакомств и встреч с другими женщинами «еврейской национальности». На первом и втором курсах я «дружил» с Мартой Розенберг. После университета она работала где-то на Северном Кавказе и иногда появлялась в Москве с банками черемши. Я тогда уже учился в аспирантуре. Марта останавливалась у подруги. Черемша, отварная картошка, постное масло, бутылка водки: вспоми-

нали минувшие дни... Через некоторое время Марта осела в Подольске. Стала популярным адвокатом. Деньги были, а личная жизнь не сложилась. Знал двоих ее мужей. Хорошие русские мужики, но пьяницы. Уехала в Израиль. Там, в Беэр-Шеве, на краю пустыни Негев, я и похоронил ее.

На третьем курсе начался роман с Норой Свердловой. Училась впереди на один курс. Типичная «аристократка духа». Умная. Красивая. В полном сознании собственного достоинства. И в окружении себе подобных. Мы, естественно, и раньше были знакомы. Встречались в компаниях. Я иногда позволял себе выступать в привычной нагло-самоуверенной манере. Реакция: удивленно-снисходительный взгляд. Роман раскручивался долго, со скрипом. Общественность с любопытством наблюдала. Кто-то изрек: «Союз ума, но не сердец». Нет. Просто умы сближались быстрее, чем сердца.

Я уже пообтесался, но еще был явно другого посола. Стал появляться у них дома. Две малюсенькие комнаты в старой развалюхе с дореволюционным стажем. Папа – бухгалтер. Мама – врач, рентгенолог-микрopedиатр, фронтовичка. По праздникам вся могучая еврейская грудь в орденах и медалях. Не уверен, что они испытывали большое счастье, видя меня рядом с любимой дочерью. Иногда переходили на идиш. Когда родители уходили в свою комнату, сердца начинали сближаться и мы целовались. При хорошей погоде этим же делом можно было заниматься на скамейке во дворе.

Летом 1952 года Нора получила назначение в Краснодар-

ский край, где стала работать адвокатом. «По умолчанию» предполагалось, что мы распишемся, когда я подойду к студенческому финишу. Разлука переносилась с трудом. Письма писал почти каждый день. Даже в стихах. Сохранилось у меня одно из таких рифмованных писем. Называется: «Плоды раздумий сквозь поэтическое око». Всего «раздумий» восемнадцать. Щадя читателя, ограничусь тремя.

ХІІІ

Мы все ругаем понемногу
Кого-нибудь и как-нибудь.
Стезею этой, слава богу,
К вершинам славы легче путь.
Зачем читать Адама Смита,
Руссо, Вольтера, Демокрита,
Декарта, Гегеля, Бруно —
Они ведь померли давно.
К чему же тени их тревожить?
Не лучше ль тихо, не спеша,
Читать брошюры ВПШ
И этим груз ума умножить?
И знает стар, и знает млад:
У нас истмат и диамат.

XIV

Зачем владеть ума палатой,
Читать, и мыслить, и дерзать,
Коль можно запросто цитатой
Все что угодно доказать
И опровергнуть что угодно?
А между тем любой свободно
Толкует с видом знатока
О всем: от звезд до сапога.
Ввернет солидно ergo, bene,
Словами Маркса щегольнет,
Промолвит лихо: «Гегель врёт!» —
Паяц на философской сцене!
Видали ль вы таких глупцов
В ученой тоге мудрецов?

XV

«Задача первая диплома —
Цитатой вовремя блеснуть, —
Так рассуждал я, сидя дома, —
Тернист, тернист науки путь.
Тернист и путь в аспирантуру,

Куда я смолоду и сдуру
Попасть задумал. Сущий ад —
Наука в клетке из цитат.
Блажен, кто верует без мысли,
Блажен, кто любит без ума,
Но лучше нищего сума
Тому, чей ум сомненья грызли!»
Так рассуждая, я писал,
Пока «довольно!» не сказал.

Письма, даже которые в стихах, не утихомиривали страсти. Расстояния требовали преодолений. Тут, правда, на эмоции накладывались финансы. Но и эта проблема имела решение. Сдавал кровь и на эти «кровавые деньги» летал в Краснодар. Оттуда на автобусе – в станицу Александровскую.

Политика, как правило, далека от любви. Когда они сближаются, становится опасно. В январе 1953 года грянуло «дело врачей»: эскулапы из Кремлевской поликлиники, утверждали руководители КГБ, «сокращали жизнь» своих высокопоставленных пациентов. Сценарий 1937 года не был забыт. По стране прокатилась волна собраний гнева и протеста. «От Москвы до самых до окраин» тюрьмы пополнялись медицинским персоналом. Нетрудно было заметить, что большинство «убийц в белых халатах» имели фамилии лиц той самой «национальности». Толпа напряглась, хотя до погромов дело не дошло.

Пришла телеграмма от Норы. Она освобождала меня от всех и всяческих матримониальных обязанностей. Тут же отбил ответ. Какой – понятно. Труднейшие были дни. Посадили шефа моей будущей тещи. Она сама каждый день ждала гостей. Надевала дома гимнастерку с погонами и всеми регалиями: «Пусть знают, кого берут!» Чтобы хоть чуть-чуть разрядить напряжение, я каждый вечер появлялся у Свердловых и сидел с ними до поздней ночи. Обошлось...

5 марта объявили о смерти Сталина. Народ был в отчаянии. Скорбело прогрессивное человечество. Но тех, которые «в белых халатах», выпустили и реабилитировали.

Политика отступила. Любовь осталась.

Все эти вихри и водовороты не отменяли выпускных экзаменов, защиты диплома и последующего распределения. С экзаменами проблем не предвиделось. С дипломом («О характере и особенностях международного публичного права») – тоже. Относительно распределения возникли сложности.

Еще в конце 1952 года меня пригласили в обком ВЛКСМ и предложили должность заведующего отделом студенческой молодежи. Я согласился. Однако позже мне застенчиво разъяснили, что среди моих близких знакомых слишком много «лиц». Да еще невеста... Видимо, сюда реабилитация не распространялась.

По той же самой причине (не те знакомые) меня вычеркнули из списка выпускников, которых посылали в Москву

для ускоренной подготовки кандидатских диссертаций.

В конце концов меня направили в распоряжение Управления Министерства юстиции по Краснодарскому краю. В порядке, так сказать, воссоединения семьи.

Семья была создана 3 мая 1953 года. Свадьбы в привычном понимании этого слова (много гостей, выпивки, закуски и шума) не было. Только тесный семейный круг. Медовый месяц проводили в Сочи. Снимали веранду. Далек от моря, но дешево. Купались, загорали, слонялись, танцевали. Огорчала Норина родственница, которая почему-то приходила ночевать на нашу веранду. Остальное радовало. «Все было вокруг голубым и зеленым...»

Но неуклонно надвигалась жизнь.

Хадыженск: «Встать, суд идет!»

В Краснодаре мы появились в начале августа. Назначение не заставило себя ждать: город Хадыженск Нефтегорского района. Меня будут рекомендовать народным судьей первого участка этого района. Выборы – 20 сентября. Нора отправилась в свою Александровскую. А я – тоже в свой Хадыженск. На машине из Краснодара несколько часов.

Нефтегорский район – это покрытые лесом предгорья Восточного Кавказа. Нефть (пять промыслов треста «Хадыженнефть») и лес (два крупных леспромхоза – Хадыженский и Комсомольский – и много небольших ведомствен-

ных). Сельское хозяйство – один совхоз под названием «Заря № 2». Столица района – город Хадыженск. Благодаря нефтяникам – хороший Дворец культуры, несколько покрытых асфальтом улиц, частичная газификация. Есть еще один город – Нефтегорск. И есть железнодорожная станция Хадыженская, хоть в Сочи езжай, хоть в Москву.

Предвыборная кампания – как положено. Поездки по станциям, встречи с избирателями, «программные» выступления, ответы на вопросы. Все было вполне казенно, но как-то без удушающей нудности. Возможно, мой возраст и не совсем судебный вид, некоторая претензия на юмор, либерализм станичного начальства добавляли какие-то человеческие флюиды в стандартную обстановку. Иногда слово предоставлялось добровольцам. Они, как правило, были уже навеселе, и, соответственно, навеселе были их речи. Почему-то запомнилось: «Товарищ Бовин, как молодой месяц, всходит на нашем станичном небе...» И хорошо запомнились испытания на прочность, которым меня подвергали по всему предвыборному маршруту.

19 сентября 1953 года районная газета «Вышка» была украшена редакционной статьей «Завтра – все на выборы!».

Статья эта – своего рода классика. В ней представлен весь набор примитивных пропагандистских штампов сталинской эпохи. «Правда», наверное, написала бы тоньше, умнее. Но «Правда» была одна, а «Вышек» – сотни. На «Правду» ориентировалось начальство. Народ усваивал «марксизм-лени-

низм», азы партийной политики, читая «Вышки». И даже не усваивал, а запоминал. И всегда был готов к всеобщему «одобрямсу».

Вот еще что важно. Реальная жизнь миллионов людей и жизнь газетных слов проходили в разных плоскостях. Что бы ни говорили, что бы ни писали наверху, большая часть «советского народа» жила по другим, доставшимся от истории правилам. Это спасало. Иногда указанные плоскости пересекались. И тогда слова побеждали людей.

Теперь – статья.

«Завтра, 20 сентября, в нашем районе по 70-му и 71-му избирательным округам состоятся выборы народных судей. Выборы народных судей в районе проходят в дни нового политического и трудового подъема, когда весь советский народ встретил постановление пленума ЦК КПСС «О мерах дальнейшего развития сельского хозяйства СССР» всеобщим одобрением. Колхозники, рабочие, служащие знакомятся с постановлением пленума. На собраниях они заявляют о том, что не пожалеют сил, чтобы успешно выполнить задание партии по дальнейшему развитию сельского хозяйства.

Выборы в нашей стране являются всенародным праздником. Сталинская Конституция предоставила трудящимся широкие демократические права, каких нет ни в одной капиталистической стране. Советские люди имеют право на труд, на отдых, на образование, на материальное обеспечение в

старости и при утрате работоспособности.

По-иному выглядит «демократия» в странах капитала, особенно в цитадели империализма – США. Права личности в капиталистических странах признаются лишь за теми, у кого есть капитал. Это можно показать на примере недавних выборов в Западной Германии. Подготовка к выборам в западногерманский бундестаг и их проведение проходили в обстановке запугивания населения и террора, в обстановке открытого давления и вмешательства иностранных оккупантов. «Американские выборы в Западной Германии» – так именует немецкая демократическая печать выборы в боннский бундестаг.

Советский суд является самым демократическим, защищает интересы народа, стоит на страже советской законности и правопорядка.

В районе на всех избирательных пунктах в основном закончена подготовка к выборам. Помещения избирательных пунктов оборудованы, готовы к приему избирателей.

Товарищи избиратели! Завтра, 20 сентября, все как один явимся к избирательным урнам и отдадим свои голоса за кандидатов в народные судьи – Бовина Александра Евгеньевича и Митюшина Михаила Ивановича.

Все на выборы!»

Избиратели не подвели. Демократия, как и должно быть, оказалась на высоте. Меня и моего коллегу выбрали почти единогласно.

Приехала Нора. Адвокатом она не могла здесь работать (муж – судья). Устроилась в школу учителем истории. Дали нам двухкомнатную квартиру. Газ, холодная вода. «Удобства» во дворе. Обращение бытом началось с кровати и вилок с ложками. Потом из Ростова прислали мою библиотеку. «Жить стало легче, жить стало веселей...»

Здание суда – своеобразное строение, то ли большая изба городского типа, то ли усадьба деревенского типа. Аппарат – солидные, по моим тогдашним представлениям, тетечки лет под тридцать и один мужчина – судебный исполнитель.

Первое дело. Должностное преступление. Человек уже под стражей. Изучив материалы, пришел к выводу, что квалификация неправильная и нет оснований для лишения свободы. Судебный процесс подтвердил этот вывод. Народные заседатели со мной согласны. Читаю приговор. Стандартная фраза в заключение: «Из-под стражи освободить из зала судебного заседания». Милиционеры отходят, человек свободен.

Вообще дел было не очень много. Так что в неделю было всего три судебных дня: один по уголовным и два по гражданским делам. Это давало возможность внимательно штудировать данные предварительного следствия. Правда, больше 90 процентов дел составляла всякая мелочовка. Но попадались сюжеты, дававшие богатейший материал для логического анализа и психологических изысканий. В зависимости от характера дела приходилось изучать специальную ли-

температуру самого разного профиля. Это было интересно. До сих пор иногда пижоню, встречая в разговор о законтурном обводнении или внематочной беременности.

В этом контексте хочу сказать несколько добрых слов о народных заседателях. Их тоже выбирали (70 – в нашем участке). Но сначала их подбирали партийная и профсоюзная организации. Подбирали, как правило, из достойных, основательных людей, специалистов в разных областях. Если дело касалось транспортных проблем, в качестве заседателей я приглашал шоферов, если проблем медицинских – врачей и т. д. Это обеспечивало высокий профессиональный уровень подхода к материалам дела. Это делало «народный суд» действительно народным, ибо наши клиенты видели за столом судебных заседаний своих сослуживцев и соседей.

При подготовке приговоров и решений часто возникали споры. Моя задача была относительно проста: четко обозначить юридическую сторону. Сложнее была оценка доказательств, личности подсудимого (если это уголовное дело), всякого рода обстоятельств, влияющих на конечные выводы суда. Тут у заседателей были большие преимущества передо мною. Они лучше знали жизнь. Поэтому сидение в совещательной комнате можно было рассматривать как курсы повышения квалификации.

Судебный процесс – это и прокурор, который, само собой, обвиняет, и адвокат, который защищает. Прокурор – государственный чиновник на твердом окладе. Проводник госу-

дарственной политики. Адвокат – член своеобразного адвокатского кооператива, заработок которого зависит от юридической грамотности, способности убедительно говорить, от умения вертеться в рамках установленных правил игры. Поэтому адвокаты были, как правило, умнее, образованнее, культурнее, чем прокуроры. Но прокуроры были «главнее». При прочих равных (а иногда и неравных) дело решалось в пользу прокурора. Традиционно советская юстиция отличалась суровостью наказаний. Оправдательные приговоры встречались очень редко.

Разумеется, я работал в такой системе координат. В то же время что-то стало меняться. Или точнее: что-то стало позволять меняться, если ты хочешь меняться. Не могу сказать, что я видел картину так, как вижу ее сегодня. Но к адвокатам относился с подчеркнутым вниманием. Возможно, сказывалось влияние жены. Возможно, сказывалось и то, что с нашим хадыженским адвокатом, Эриком Овчаровым, мы учились вместе. В общем, я больше симпатизировал адвокатам, чем прокурорам. И слыл либеральным судьей: чаще, чем другие судьи, оправдывал, давал щадящие сроки³.

Зарплата у меня была 880 рублей (у районного прокурора

---

³ После Хадыженска я напрямую столкнулся с юстицией почти через полвека, когда стал работать в Комиссии по вопросам помилования при Президенте РФ. К сожалению, обвинительный уклон в судопроизводстве не преодолен. Прокурор по-прежнему «главнее» адвоката. Адвокатуру, которая в постсоветский период вздохнула свободнее, вновь хотят (пишу это летом 2002 года) поставить под контроль чиновников.

– 1400). Не развернешься. Мудрый читатель думает о взятках. Сталкивался с взятками. Обычно так было дело. Бабуля какая-нибудь приходила на прием и дрожащими руками протягивала сверток: «Возьми, сыночек! Курочка тут, яички, сметанка своя свежая. От чистого сердца!» В наборе продуктов возможны варианты. Два раза (помню точно!) приносили (домой) свертки с деньгами. Не брал. Воспитание не позволяло. Хотя от свежей сметанки трудно отказываться...

Судьи обычно описывают экстраординарные случаи из судебной практики. Были и у меня случаи.

После одного приговора с тюрьмой и крупной конфискацией получил по почте послание, где меня приговаривали к смерти. Взял в милиции пистолет. Неделью, наверное, носил его. Неудобно, тянет. Потом ночью клал под подушку. Потом в сейфе он лежал. Отделался испугом.

Еще один испуг. Проводил выездную сессию, то есть не в здании суда заседали, а в клубе одного из участков моего родного Хадыженского леспромхоза. Когда, зачитывая приговор, я дошел до слов «десять лет лишения свободы», подсудимый вскочил, схватил длинную лавку, на которой сидел, размахнулся и пытался до меня дотянуться. Конвой, видимо, дремал. К счастью, лавка зацепилась за припотолочную балку. Я даже испугаться как следует не сумел и закончил чтение приговора.

Просто случай. В маленьком городке на каждом доме, на каждых воротах обязательно флагшток. Однажды утром

идущие на работу могли видеть, как на одном из флагштоков развеваются фиолетовые дамские рейтузы. Это одна учительница отомстила другой, к которой заглядывал муж первой. Оштрафовал на 50 рублей за оскорбление действием.

Еще случай. Муж привлекался к уголовной ответственности за избиения жены. До суда решили оставить его на свободе. Он, получив обвинительное заключение, взял ружье, застрелил жену, тещу и, кажется, сестру жены. Пришел в милицию и сдался. ЧП краевого масштаба. Вызывали на бюро крайкома. Прокурор получил выговор. Я по молодости был помилован.

Судья – в отличие от знаменитой киплингвской кошки – не гуляет сам по себе. Он – элемент, частица районной «элиты». Впрочем, в те времена слово это считалось почти ругательным. Был партийно-хозяйственный актив района. А центральным светилом, вокруг которого вращались все и всё, являлся райком партии и его аппарат.

С райкомом у меня сложились хорошие отношения. Там, за редкими исключениями, работали толковые люди, знавшие район вдоль и поперек. Никто в мои дела не вмешивался, рекомендаций и советов мне не давали. 15 октября на 27-й районной партийной конференции я был избран кандидатом в члены РК КПСС. Вел отнюдь не отшельнический образ жизни. Много и с интересом ездил по району, читал лекции, выступал на встречах с избирателями, разбирался в каких-то склоках районного масштаба. И скоро это стал «мой»

район, где меня все знали и я всех знал.

Все течет, все меняется. Через год я уже вырос до члена РК КПСС. В октябре 1954 года первый секретарь райкома Константин Александрович Панцырев предложил перейти в райком – заведующим партийной библиотекой (он же – заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации). Я согласился. Через несколько месяцев стал заведовать указанным отделом. Отдел, естественно, ведал всем, что относилось к партийному просвещению, к утверждению советской идеологии. Плюс – «курировал» образование, здравоохранение, культуру и спорт в районе.

Работать было интересно. Носился по району, встречался с десятками достойных людей, выступал на партийных собраниях, вникал в добычу нефти и заготовку «кубиков», помогал школам и больницам... В конце концов партийное руководство на «низовом» уровне, на уровне конкретных дел и задач сводилось к тому, чтобы что-то или кому-то стало лучше. Вместе с неизбежным крахом КПСС рухнула и вся система партийных органов и партийного руководства. Место диктатуры партии заняла диктатура чиновников. И, по моим наблюдениям, «трудящимся» стало хуже, они стали беззащитнее. Выход – формирование гражданского общества...

Во время работы в райкоме я поступил в Ленинградский заочный политехнический институт. На радиотехнический факультет. Стал жертвой партийной пропаганды. Тогда было модно говорить о том, что технический прогресс требует хо-

рошей технической подготовки партийных работников. От моды отставать не хотелось, и я оказался в ЛЗПИ. Учился с удовольствием. С особенным удовольствием два раза в год (в мае и ноябре, если память не изменяет) ездил на сессии в Ленинград. Проучился три курса. Все экзамены сдавал на пятерки, а по начертательной геометрии имел твердую двойку: не хватало пространственного воображения. Поступив в аспирантуру философского факультета МГУ, хотел перевестись из ЛЗПИ на мехмат МГУ. Но академик Колмогоров А.Н., который был деканом мехмата, не уважил...

Познакомившись с заочным образованием изнутри, я стал многого бояться. А что, если мост, по которому я еду, или лифт, в котором я поднимаюсь, или машина, за рулем которой я сижу, сделаны инженерами-заочниками? Мы ищем какие-то глубинные, чуть ли не мистические причины техногенных катастроф. А может быть, все гораздо проще – заочная тройка, она ведь не только в Африке, но и в России даже и не тройка вовсе...

Была еще одна хрущевская «мода»: каждый руководитель должен уметь водить машину. Собрали все начальство, распределили по группам и поехали. В кабинете изучали матчасть. А ездили в поле на травке. Довольно быстро эта мода выдохлась. Но с тех пор запомнил, что есть карбюратор... Машину все-таки освоил, но через сорок лет. Разъезжаю на «Оке»...

Накануне 30-й районной партийной конференции до ме-

ня стали доходить слухи, что ряд коммунистов намерены предложить мою кандидатуру на пост третьего секретаря РК КПСС. Но я знал, что у крайкома есть другая кандидатура. Да и потом, очень уж хлопотное это дело – секретарь райкома. И хотя я не страдал комплексом неполноценности, все же казалось, что опыта не хватает. Только что перевалил через 25-летие.

Просил энтузиастов не устраивать представление. Но нефтяники народ упрямый. Выдвинули. Пришлось мне два раза давать самоотвод. Потом почти до утра шумели на тему внутривнутрипартийной демократии.

Здесь, в Хадыженске, меня застал XX съезд партии. Доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях» был разослан во все райкомы и зачитывался на открытых партийных собраниях. Мне тоже пришлось читать этот доклад в нескольких организациях. К чему-то я был внутренне готов. Но трагедия оказалась масштабнее. И не все осознавалось сразу. Мы тогда еще не понимали, что этот съезд перепахал не только историю нашей страны, но и историю всего коммунистического движения. Мы еще не понимали, какие открылись бездны бесчеловечности, злодейства, цинизма и лицемерия. Но и то, что было понятно, заставляло людей плакать.

В начале 1956 года судьба сделала неожиданный зигзаг.

При райкоме действовала вечерняя партийная школа, где я вел «курс» «Внешняя политика СССР». Одной из студен-

ток была жена судьи второго участка Михаила Митюшина. Но в этот вечер из Краснодара приехали какие-то гастролеры, и занятия были отменены. Жена, не обнаружив мужа дома, явилась в здание суда. А там, используя дарованную райкомом паузу, Михаил находился с дамой. На глазах у изумленной публики дама выпрыгнула в окно. Скандал. На следующий день дама (кажется, она работала в сберкассе) наглоталась каких-то таблеток. Даму откачали. А Митюшин погорел.

На бюро Краснодарского крайкома наш райком ругали за неправильное использование кадров: зачем Бовина, специалиста с высшим образованием, выдернули из суда... Решили вернуть Бовина.

Возникла финансовая проблема. Базовый оклад судьи, как я уже упоминал, был 880 рублей. Но поскольку это выборная должность, то судья, если до выборов он получал больше этой суммы, сохраняет свой прошлый оклад. Если бы меня избирали с райкомовской должности, я бы получал 950 рублей. Однако в райкоме решили компенсировать мне моральный ущерб и тут же назначили меня заместителем по кадрам директора Хадыженского леспромхоза с окладом 1400 рублей.

Дальше – демократия по известной схеме. 11 марта 1956 года я становлюсь народным судьей второго участка.

На этот раз здание было поаккуратнее. Типовой финский домик. «Команда» состояла из семи симпатичных существ

женского пола в возрасте от 17 до 25 лет. Нагрузка на мою нервную систему... Но все относительно. Девочка Майя, которой 17, в ответ на мое замечание о сонном виде стала рассказывать о вчерашних танцах, которые кончились поздно. И о парне, который ее приглашал все время.

– Ничего парень, вежливый, только очень старый, ну, как вы!

Коллектив оказался дружным. Особенно сплачивали поездки в совхоз «Заря № 2». Нас вооружали серпами. И мы убирали хлеб. Потом веселились на природе.

Все шло своим чередом. Но стал скучать. Томление духа началось. Что-то назревало внутри.

Ради точности: стало назревать еще в райкоме. Написал письмо на философский факультет МГУ, просил сообщить условия приема в заочную аспирантуру. В декабре 1955 года получил ответ: надо сдать экзамены и выдержать конкурс. Почему собрался на философский? Уже забыл ход тогдашних мыслей. В общем, хотелось, несмотря на жизненную круговерть, научиться думать, размышлять, смотреть на себя и всю эту круговерть с философской высоты.

Никому, кроме жены, ничего не сказал, взял очередной отпуск и отправился. По дороге в Москву проезжал Ростов. Поезд стоял минут тридцать. Мама с папой приехали. Дождь был проливной. Отец втолковывал мне, что зря я все это затеял: там небось все схвачено, своих много, не пропустят со стороны... Но не смог сбить меня с пути.

Бег с препятствиями начался сразу. На факультете отказались принять у меня документы, ссылаясь на отсутствие философского образования. Но я уже не был мальчиком из Горького. Пробился в отдел науки МГК и потребовал вмешаться и навести порядок. Поскольку нигде в документах нет никакого ограничения, связанного с образованием.

После примерно недельного перезвона документы взяли. Долго изучали мой реферат (он был посвящен горячей тогда теме: «XX съезд КПСС и теория социалистической революции»). Допустили к экзаменам.

Первой шла история КПСС. В билете был вопрос о XI съезде РСДРП. Ну, думаю, повезло. На память цитирую Ленина: палка была выгнута в эту сторону, чтобы ее выпрямить, надо выгнуть в другую сторону.

– Ленин так не говорил, – возражает председатель комиссии.

– Нет, говорил, – нахально настаиваю я.

Председатель просит принести соответствующий том сочинений Ленина.

– В собрании сочинений этого нет, – замечаю я, – надо обратиться к стенограмме съезда.

Обратились. Палку нашли. Мне поставили «отлично». Хотя могли ведь рассердиться и завалить...

Следующий экзамен – собственно философия, диалектический и исторический материализм. Тут я был подкован прилично. И в университете и после читал немногочислен-

ные тогда книги по философии, следил за журналом «Вопросы философии». Тоже – «отлично».

На следующий день меня пригласили в деканат и предложили переписать заявление – с заочной аспирантуры на очную. Это была уже крутая ломка жизни. Позвонил в Хадыженск Норе. Так, мол, и так. «В Москву!» – сказала жена.

Предстоял еще экзамен по английскому языку. А накануне, 30 сентября, – Вера, Надежда, Любовь и мать их Софья. Поскольку у одного из моих дядьев, Александра Ивановича Борисова, жена была Вера, а дочери – Надежда и Любовь, все московские родичи собирались у них. Гвоздем программы было ведро соленых грибов.

Мы с братом Сашей и братом Жорой недобрали и решили продолжить праздник в «Балчуге». Продолжили. Но природу обмануть нельзя: чем лучше вечером, тем хуже утром. На экзамен я ехал с Ленинских гор в настроении препобабном. Дыхну, думал, на преподавательниц, а им плохо станет... Но свое «отлично» кое-как заработал.

Вернулся в Хадыженск. Приступил к работе. Молчу. Долго тянется октябрь. Наконец получаю выписку из приказа ректора МГУ № 691 от 18 октября 1956 года о зачислении в аспирантуру. Иду к Панцыреву. Полный скандал с матом и топаньем ногами. Мне неловко, так как понимаю, что причиняю человеку лишние беспокойства. Но в смысле мата я спокоен, поскольку моя позиция неуязвима. Не отпустить не могут. Вместо себя предлагаю временно одного из народных

заседателей – И.А. Поповича.

31 октября направляю председателю Краснодарского краевого суда заявление об увольнении.

«Были сборы недолги...»

9 ноября сажусь в поезд на станции Хадыженская. Нора – до прояснения бытовых условий в Москве – возвращается в Ростов.

Москва. Еще один университет

Философский факультет (деканат и аудитории) в ту пору находился в одном из старых университетских зданий на Моховой. Общежитие для аспирантов было на Ленинских горах. Там я и расположился. Блок на двоих состоял из двух комнат, душевой и туалета. На этаже были кухня, телефоны, гостиная с телевизором. В цокольном этаже – вполне приличная столовая. Есть и «профессорская» столовая, вход свободный, вкуснее, но дороже. Кстати. Аспирантская стипендия – 780 рублей. Или, если работал, платят предыдущий оклад, но не больше 1000 рублей.

Первое впечатление – какая-то пугающая тишина, пугающая ненужность. В Хадыженске я был включен в систему, в структуру. Был кому-то нужен. А теперь – все тихо. Очень тихо. Есть план семинаров. Дальше – полная самостоятельность. Можно пойти в библиотеку, можно – в пивную. В принципе я выбрал библиотеку, но не гнушался и пивной.

Упомянутая выше пугающая тишина касалась моей личной жизни, моей, так сказать, не востребованности. В жизни общественной все было наоборот. Сонное спокойствие провинции сменилось ураганными ветрами, которые дули в столице.

Университет бурлил. Причина и повод – события в Венгрии. Подавление войсками Советского Союза «венгерской

контрреволюции».

Напомню. Восстание в Будапеште началось 23 октября. Венгры протестовали против просталинского режима Ракоши, против господствовавших тогда форм строительства социализма, организации общественной жизни, которые были скопированы с советских образцов, требовали демократизации жизни. Квалифицировав происходящее как контрреволюцию, президиум ЦК КПСС дал указание Особому корпусу силой подавить восстание. Что и было сделано. Последний удар – 4 ноября.

Бурные события аналогичного плана происходили и в Варшаве. Но там обошлись без танков и крови.

Университетский барометр фиксировал бурю. Каждый вечер – самостийные собрания и митинги. Венгры и поляки – в истерике. Принимаются и посылаются всякие письма и обращения. Парткомы в растерянности, события выходят из-под контроля.

Буквально на второй или на третий день появления в общежитии я оказался на одном из таких собраний. На нашем, «философском», этаже. Это там, в Хадыженске, выступая с докладами о XX съезде КПСС, я ходил в демократах и либералах. Здесь все переменялось. Я не был готов к такому накалу демократических, антисталинистских настроений. Меня не пугал радикализм лозунгов и требований (московские студенты на десять лет опередили «великого кормчего» и его призыв: «Бить по штабам!»). Тут было другое. Мне пред-

ставлялось, что критика Сталина и сталинизма слишком раз-
машиста, слишком безоглядна, что ли. Во всяком случае, со-
циализм, партия имели для меня самостоятельное значение,
не сводимое к сталинистским извращениям. Не мог я безого-
ворочно принять и критику Советского Союза, нашей поли-
тики в «странах народной демократии». И я ринулся в бой.
Несколько раз выступал. Под улюлюканье и всяческие вы-
крики аудитории. А потом до утра пили в какой-нибудь ком-
нате и выясняли отношения.

Нарвался и на небольшие неприятности. Мой пыл доб-
ровольного защитника советской власти был замечен спец-
товарищами. Пригласили, побеседовали. Уважительно так:
взрослые, все понимающие люди толкуют о недостойном по-
ведении молодежи. И попросили по их рекомендациям по-
бывать и выступить на сходках других факультетов. Я отка-
зался. Они все-таки пару раз ко мне приходили. Но буря по-
степенно утихала, и меня оставили в покое.

Другая буря (но баллами поменьше) была вызвана столк-
новением мнений вокруг романа В.Д. Дудинцева «Не хле-
бом единым...». Роман публиковался в «Новом мире» осе-
нью 1956 года. Так что его первую половину я освоил еще в
Хадыженске. Тема: конфликт между изобретателем и бюро-
кратией. Метод: критический реализм. Интеллигенция при-
ветствовала. Начальство, привыкшее к реализму социали-
стическому, гневало: очернение, искажение и т. п.

В моих бумагах сохранилась типичная для тех дней ста-

тъя некоей Н. Крючковой («Известия», 2 декабря). Вывод рецензента: «Творческая неудача, постигшая В. Дудинцева, не является случайной. Она коренится в неумении правильно понять и «изобразить, – как говорит М. Горький, – скрытые в фактах смыслы социальной жизни во всей их значительности, полноте и ясности...», в неумении определить место того или иного явления в действительности. Вот почему в романе В. Дудинцева правда отдельного факта, вырванного из единой цепи явлений, на общем фоне нашей жизни оборачивается полуправдой, а то и ложью.

В этом главный идейно-художественный недостаток романа «Не хлебом единым...».

Тревогу за творческую судьбу писателя внушает возникший вокруг романа нездоровый ажиотаж. На обсуждении в Доме литераторов, например, роман расхваливали за «злободневность», за «остроту темы» и умалчивали о значительных идейно-художественных просчетах автора».

«Нездоровый ажиотаж» в университете доходил почти до рукопашной. Парткомы лили масло на бушующие волны. Студенты не успокаивались. Предлагали выдвинуть роман на Сталинскую премию. Интеллигенция приветствовала. Студенты митинговали. Я тоже приветствовал. И митинговал. Но молча.

Пять лет в Ростовском университете приучили меня достаточно (а может, недостаточно) скептически относиться к официальным идеологическим одеяниям. Три года в

Хадыженске, где я был вписан в систему реальной власти, по-видимому, укрепили конформистские тылы. В Московском университете эти тылы стали постепенно разрушаться. Я эволюционировал в сторону диссидентства. Но, будучи слишком рано приближенным к власти, до диссидентства не дошел. Закрепился на позициях фрондерства.

Под фрондой я понимаю в данном контексте инициированное XX съездом КПСС критическое отношение к власти, к ее политике, не затрагивающее принципиальных основ этой политики, основ нашего строя. И не только отношение. Артисты, художники, музыканты, литераторы, ученые пытались утвердить свое право на творческий поиск, на творческую свободу. Общая настроенность – возвращение к Ленину. Имена-символы: Ефремов, Шатров, Евтушенко, Вознесенский, Неизвестный. Конец 50-х – начало 60-х годов можно обозначить как время Фронды, время давления на власть. Власть сумела устоять и даже на время ту же закрутить гайки. Но первые, пусть робкие, ростки перестройки взошли. Или, если перейти на язык физики, начала накапливаться критическая масса, которая всего лишь через четверть века разнесет самый мощный тоталитарный режим XX века.

Крупные принципиальные вопросы общественного развития решались по вечерам. Днем же надо было прежде всего определиться с темой диссертации. У меня было намерение заняться особенностями строительства социализма в Югославии. Общие подходы к этой теме обозначились во

вступительном реферате.

Реферат начинался на полном серьезе: «Наука только тогда может называться наукой, когда она не цепляется за старые, привычные формулы и выводы, а непрерывно идет вперед, развиваясь, обогащаясь, отбрасывая отжившие, хотя и освященные традициями и авторитетами, положения. В противном случае неизбежен застой, окостенение, превращение науки в собрание догм, в катехизис, когда вера в определенные утверждения заменяет и снимает необходимость творческого мышления. Если физика ставит вопрос о неисчерпаемости электрона, то с не меньшим правом социология может говорить о неисчерпаемости человеческого общества, о богатстве форм его развития, о непрерывном прогрессе его экономической и социальной структуры».

Нахально для 25 лет, но многообещающе.

К сожалению, кафедра возражала. Тема, говорили мне, слишком опасно близка к политической конъюнктуре. Кто-нибудь не так чихнет, и все придется переделывать. Я готов был рискнуть. Но был остановлен.

Предложение кафедры: «Проблема абстракций в семантической философии». Тут уж я заартачился. Во-первых, я совершенно не в курсе предлагаемой темы. Во-вторых, я недостаточно хорошо знаю английский язык, чтобы быстро разобраться в семантической философии, избегая при этом потерь важных смысловых нюансов. В-третьих, мне это просто неинтересно. Кафедра согласилась.

Возникла томительная пауза. На помощь пришел его величество случай.

В начале декабря на факультете с докладом «Новейшее развитие физики требует отказа от ряда философских предрассудков» выступил профессор Эрнст Кольман⁴. Это была неординарная, чрезвычайно интересная личность. Математик и философ. Родился (1892) и учился в Праге. После Октябрьской революции жил и работал в СССР. Вступил в ВКП(б). Три с половиной года отсидел на Лубянке. Протестовал против ввода войск Варшавского договора в Чехословакию. Эмигрировал в Швецию. Из Стокгольма написал письмо Брежневу, где сообщил, что выходит из КПСС, членом которой был пятьдесят восемь лет. Скончался в 1979 году.

Доклад Кольмана вызвал смятение среди профессуры философского факультета. Он был слишком радикален и покушался на любимые философские игрушки. Он называл «философскими предрассудками» то, без чего казался невысказанным диалектический материализм. Поэтому критическая реакция стала выходить за рамки науки и приближаться к инвективам партийно-политического характера.

Мне доклад понравился. Он заставлял думать. Однако предлагаемая докладчиком сцепка философии и физики не показалась мне убедительной. Я выступил. Подводя итог

---

⁴ Первоначально этот доклад был сделан в Институте истории естествознания и техники АН СССР по горячим следам XX съезда КПСС – в мае 1956 года. Вызвал большой резонанс в научных кругах.

дискуссии, Кольман, в частности, сказал (привожу по памяти): «Со многими аргументами Бовина я согласен, только не понимаю, почему он оборачивает их против меня; по-моему, мы говорим об одном и том же, но по-разному расставляем акценты».

Услышав это, я даже как-то растерялся: то ли он не понял меня, то ли я – его. Чтобы четче расставить эти самые акценты, я взял свои заметки и соорудил нечто под украденным у Энгельса заглавием: «Анти-Кольман». Это был мой первый и последний «самиздат». Попался он и на глаза кафедрального начальства. Мне настойчиво советовали заняться философией естествознания. После недолгих колебаний я согласился.

Текст моего сочинения сохранился. Чтобы не очень сильно травмировать читателя, я опускаю аргументы от физики. Но философии не избежать. Итак.

«АНТИ-КОЛЬМАН

О перевороте, произведенном в философии проф. Э. Кольманом

Опыт популярного опровержения философских заблуждений доктора философских наук и профессора математики Э. Кольмана, произведенный нахальным и самонадеянным аспирантом философского факультета А. Бовиным.

В процессе обсуждения доклада проф. Кольмана «Новейшее развитие физики требует отказа от ряда философских предрассудков» было высказано мнение, что доклад этот есть «проявление кризиса буржуазного естествознания». Это мнение принадлежит т. Казаринову. Я не могу согласиться с такой оценкой доклада. Она вносит некоторые нежелательные нотки в нашу дискуссию. Правда, эта оценка доклада переводит дискуссию на широкую, привычную, накатанную уже дорогу. Но, к сожалению, эта дорога не всегда ведет к истине.

Мне кажется, что обсуждаемый доклад есть не проявление кризиса буржуазного естествознания, а проявление тех затруднений, с которыми сталкиваются и наши физики и наши философы при анализе данных современных естественных наук и в первую очередь – физики. Доклад есть попытка найти решение ряда интересных вопросов. Вопросы поставлены прямо и резко. Без философских закруглений. А только такая резкая – «в лоб» – постановка вопросов способствует их решению.

И то, что доклад заставляет думать, заставляет еще и еще раз пристально всматриваться в то, что стало привычным, аксиоматическим, – уже одно это ценно (независимо от того, правильны или неправильны выводы и рассуждения проф. Кольмана).

Анализ доклада требует, прежде всего, тщательного разбора всех аргументов докладчика по той или иной проблеме. И в первую очередь – разбора тех фактов естествознания, которые лежат в основе философских выводов. Ссылки на Гегеля здесь не помогут.

А так как подобный анализ требует много времени, то я ограничусь только двумя, максимум тремя вопросами и попытаюсь доказать, что философские выводы проф. Кольмана по этим вопросам ошибочны.

Перехожу к делу.

Рассмотрим вопрос о взаимодействии и причинности. <...> Проф. Кольман утверждает, что теория относительности несовместима с признанием универсальной причинности. Если бы это было так, то можно было бы только пожалеть теорию относительности. Но, к счастью, такой альтернативы не существует, и я постараюсь доказать ошибочность взглядов докладчика по этому вопросу.

Мне кажется, что проф. Кольман неправильно представляет себе содержание философского положения об универсальной причинной связи. В его изложении получается, что универсальность причинной связи заключается в том, что любое событие может быть причиной любого другого. Между тем даже самые отъявленные вульгаризаторы никогда ничего подобного не говорили.

Универсальный характер причинности в нашей философии заключается в том, что в мире нет не обусловленных, беспричинных событий, что любая вещь, любое событие, любой процесс без малейшего исключения имеют свои причины. И в признании этого философского вывода состоит признание универсальности, всеобщности причинной связи.

Не подрывается ли этот принцип универсальной причинности наличием квазиодновременных событий? Ни в коем случае. Ибо каждое из квазиодновременных событий имеет

свою причину, обусловлено целой цепью других событий.

Таким образом, альтернатива, поставленная в докладе, не имеет места в действительности. Теория относительности не только не опровергает универсальной причинности, но, наоборот, подтверждает этот принцип, давая целый ряд новых, глубоких закономерностей развития.

Далее. В докладе приводится положение Ленина о том, что причинность, каузальность есть лишь «частица» всеобщей, универсальной связи и взаимодействия явлений. По мысли автора доклада, это положение должно подкрепить его концепцию об отсутствии универсальной причинности. Но так понимать Ленина нельзя. Взаимоотношение причинности и взаимодействия заключается в том, что универсальная причинность есть лишь сторона, момент, «частица» универсального же взаимодействия. Я беру кусок угля и кладу его в печь. Уголь горит.

Ясно, что между углем и кислородом происходит взаимодействие. Ясно также, что это взаимодействие не имеет причинно-следственного характера.

Универсальность взаимодействия заключается в том, что в мире нет изолированных явлений, что любое событие, и квазисовременное в том числе, тысячами нитей связано с рядом других событий. И это не опровергается, а подтверждается теорией относительности.

В данном разделе доклада содержится еще одно утверждение, с которым нельзя согласиться. С точки зрения до-

кладчика, макрокаузальность отвлекается от случайности. В микромире же каузальность включает в себя случайность...

Мне кажется, что такая постановка дела запутывает ясный вопрос и напоминает бесконечную и бесплодную дискуссию среди юристов о причинно-случайных и причинно-необходимых связях. Только юристы не ссылались на квантовую механику.

Не подлежит никакому сомнению, что причинные связи в каждой области бытия проявляются по-разному, имеют – в зависимости от характера тех или иных процессов – разное содержание. Курица снесла яйцо. Философ написал книгу. И здесь причина, и там причина, но каждый раз причина осуществляется по-разному.

Вопрос же о необходимых и случайных связях не определяет характера причинной связи как таковой. И необходимые, и случайные процессы причинно обусловлены в равной степени. Это относится к макро- и к микромиру. А то, что мы иногда не знаем содержания этой обусловленности, а иногда не хотим ее знать, – это уже другое дело.

Нет ни чистой необходимости, ни чистой случайности. Необходимый процесс всегда сопровождается бесчисленным множеством случайных событий. Случайное событие всегда есть частица, сторона, момент, проявление какого-то необходимого процесса.

Не механическая причинность отвлекается от случайности, а формулы наши могут не учитывать эту случайность,

ибо процесс определен точно.

Не квантовая причинность включает в себя момент случайности, а формулы наши включают в себя момент вероятности как существенный момент. И это означает не что иное, как тот предел, до которого мы дошли в познании причинных связей.

Причинная же связь как таковая не зависит от того, о макро- или микропроцессах идет речь. В этой связи введение понятий макрокаузальность и микрокаузальность представляется излишним, ибо эти понятия говорят об одном и том же.

Теперь подведем итоги. Проф. Кольман прав, когда он указывает на наличие класса явлений, принципиально не могущих физически взаимодействовать друг с другом. В этом, то есть физическом, смысле слова требуется уточнить бытующее в философской литературе выражение о том, что «всякая вещь связана со всякой». Но проф. Кольман глубоко заблуждается, когда он этот частный физический факт возводит в ряд философского постулата и приходит к выводу об отсутствии универсальной причинной связи. Необоснованным представляется и деление причинной зависимости на макрокаузальность и микрокаузальность.

2

Второй вопрос – это вопрос о познаваемости мира. Ос-

новной вывод докладчика таков: «Со всей ответственностью следует заявить, что признание отдельных классов явлений природы не просто временно непознанными, а принципиально непознаваемыми при помощи экспериментов и наблюдений никакого отношения к агностицизму не имеет».

Отвлечемся пока от агностицизма и посмотрим на позитивную позицию докладчика. Вопрос поставлен предельно ясно: в природе имеются отдельные классы явлений, которые или по своей природе, или по природе органов чувств человека принципиально не могут быть познаны.

Проф. Кольман указывает четыре класса таких «принципиально непознаваемых вещей».

1. Прошлые состояния систем, так как классическая термодинамика установила необратимость физико-химических процессов. Сюда же относится и прошлое исторических событий, ибо время необратимо.

2. Системы, находящиеся в крайнем удалении, так как согласно теории относительности скорость света ограничена, и мы о состоянии этих систем никогда ничего не узнаем.

3. Определенные состояния микросистем, так как квантовая механика установила принцип неопределенности.

4. В четвертый класс, означающий явления, для познания которых не приспособлены органы чувств человека, пока попадает один муравей, субъективную сторону ощущений которого нам познать не дано.

Как видите, в подтверждение тезиса о том, что существу-

ют принципиально непознаваемые вещи, привлечен солидный научный аппарат – тут и термодинамика, и теория относительности, и квантовая механика. Один только муравей остается без серьезной научной защиты. Но если присмотреться внимательно ко всем этим «классам», то оказывается, что проф. Кольман из пушек стреляет по воробьям. И вот почему.

Никто, я думаю, не будет спорить с тем, что история человечества, увы, конечна. Также никто не будет спорить и с тем, что развитие материи есть бесконечный процесс, бесконечное многообразие, бесконечное изменение. И человечество, мыслящий дух, вернее, мыслящая материя не есть венец творения, а лишь бесконечно малая частица мирового процесса. И в силу этого очевидно, что человечество не сможет познать все и вся. Это ясно и без термодинамики и теории относительности.

Далее. Исходным пунктом, основой всякого процесса познания является какой-то минимум эмпирических, чувственных данных. Это одинаково относится и к кулинарии, и к математике, хотя в последней, конечно, связь с эмпирией иногда бывает трудно уловить. В силу этого для познания любой вещи или процесса надо получить от них этот минимум данных. А если его нет, то нет и процесса познания. Именно к этому сводится и невозможность познания прошлого, и невозможность познания далекого, и невозможность познания «внутреннего мира» муравья. Но опять-та-

ки, ни теория относительности, ни термодинамика здесь ни при чем.

Энгельс давно сказал, что «мы можем познавать только при данных нашей эпохой условиях, насколько эти условия позволяют». И к этому сводятся по крайней мере три класса из четырех, указанных выше. И тут можно было бы не спорить, а просто удивиться тому, зачем понадобился докладчику столь мощный научный аппарат для обоснования ясных и даже тривиальных положений.

Но спорить, к сожалению, придется. Спорить придется потому, что проф. Кольман настаивает на том, чтобы назвать все эти вещи принципиально непознаваемыми, чтобы ввести в философию термин «принципиально непознаваемая вещь». И здесь спор не только о словах, а о существе дела.

Наша гносеология подходит к вещам не с абстрактных позиций вечности, а с точки зрения способности человека к познанию, с точки зрения и в рамках познающего человечества. И только такой подход является правильным. В рамках такого подхода представляется бесспорной неограниченная способность человечества к познанию объективного мира. И именно эта способность имеется в виду, когда говорится, что в мире нет непознаваемых вещей, а есть вещи еще не познанные. Вводить в нашу гносеологию категорию «принципиально непознаваемая вещь» так же неправильно, как вводить в нее категорию «вечных истин». Хотя и то и другое существует в действительности, но в философии это ничего,

кроме общих мест, не даст и дать не может...

...Проф. Кольман, кроме того, что он говорит о «принципиально непознаваемых вещах», вводит понятие «принципиально неразрешимые вопросы».

В качестве примера докладчик дает три таких вопроса:

1. Нельзя однозначно решить систему n уравнений с $n+1$ неизвестными.

2. Нельзя построить алгоритм для решения любого класса математических задач.

3. Нельзя указать верхнюю границу логических процессов, переложимых на счетно-решающие устройства.

Количество таких вопросов может быть увеличено.

То, что эти вопросы неразрешимы, не подлежит сомнению. Но суть дела в том, что здесь, собственно, нет вопросов. Здесь есть, напротив, определенные и четкие ответы, свидетельствующие не о слабости, а о силе познания.

Если мы утверждаем, что нельзя дать алгоритм для решения любого класса математических задач, то мы не ставим вопрос. Вопрос уже решен. Он решен долгой и кропотливой работой математиков, начиная с Эвклида, который в «Началах» дал алгоритм (правда, в геометрической форме) для нахождения наибольшего общего делителя, и кончая, допустим, Марковым.

Проф. Кольману лучше, чем любому из присутствующих здесь, известно, что в истории математики каждое такое установление «факта невозможности», начиная с установле-

ния факта несоизмеримости отрезков, было крупной победой математической мысли. Это же относится и к другим областям науки.

Это не неразрешимые, а именно разрешенные вопросы...

3

И, наконец, последний вопрос – о диалектическом материализме и конечности мира в пространстве.

Товарищи, выступавшие по этому вопросу, начинали с естественно-научной стороны и доказывали бесконечность мира. Мне кажется, что такой подход в данном случае не совсем правилен. Проф. Кольман вовсе не доказывает ни того, что мир конечен, ни того, что он бесконечен. Его мысль иная. Он так ее формулирует: «...с чисто логической стороны допущение о пространственной конечности мира столь же совместимо с материализмом, как и допущение о пространственной бесконечности мира».

Таким образом, проблема ставится в чисто логической плоскости. Доказывается, что с чисто логической стороны суждение «мир материален» совместимо как с суждением «мир конечен», так и с суждением «мир бесконечен».

Так ставит вопрос проф. Кольман, и именно с такой, чисто логической постановкой вопроса я не могу согласиться, не могу признать ее правильной.

Логика имеет свои пределы. Ни одно из этих суждений

не может быть доказано чисто логическими приемами. Так же, как логически нельзя доказать существование Бога, так нельзя логически доказать ни существования материи, ни ее конечности или бесконечности. В рамках формальной логики это, если угодно, «принципиально недоказуемые суждения». <...>

Указанные выше суждения недоказуемы логическими приемами. Они слишком общи для логики, и поэтому доказательства лежат за пределами логики, лежат в естествознании.

Очевидность указанных выше положений становится совершенно явной, если мы, например, сравним такие суждения: «мир материален» и «мир непознаваем». Логически их совместимость или несовместимость не может быть доказана. Если кто-нибудь сомневается в этом, может попробовать.

Таким образом, мне кажется, что та логическая форма, которая принята в докладе проф. Кольмана для решения данного вопроса, является непригодной для дела, и постановка этого вопроса в логической форме неправомерна.

Теперь посмотрим, как решает докладчик поставленную задачу по существу. Задача решена очень просто. Проф. Кольман берет два возражения против возможности признания мира конечным, разбивает эти возражения, а поскольку иных возражений нет, то делается известный уже вывод о «логической совместимости». Алгоритм, как видите, несложный.

В о з р а ж е н и е 1. Если мир конечен, то он ограничен; если мир ограничен, то он во что-то вмещен; если мир во что-то вмещен, то материя ограничена чем-то нематериальным. Это даже не философское возражение, а недоумение обыкновенного, обыденного, как говорят иногда философы, сознания – если мир конечен, то что же находится за этим «концом», что лежит за пределами, за границами мира?

Но для математика это наивный вопрос. Конечность мира не предполагает его ограниченность, говорит проф. Кольман. Это «наглядно» показывают («по аналогии») конечные и замкнутые, но вовсе не ограниченные многообразия одного и двух измерений. Давайте последуем совету докладчика и попробуем «наглядно» убедиться в конечности мира по математическим моделям этой конечности.

Возьмем одномерное замкнутое многообразие. Примером его является окружность.

Что здесь характерно? Что определяет окружность как одномерное многообразие? То, что каждая точка окружности есть ее внутренняя точка или, как говорят математики, каждая точка является гомеоморфным образом интервала. Следовательно, данное многообразие является конечным, замкнутым, но не ограниченным, ибо оно ни с чем, кроме себя, не граничит.

Здесь может последовать вопрос: но ведь линия ограничена, так сказать, «с боков». Математик этот вопрос отвергнет и скажет: так как по условию это – одномерное многооб-

разие, то не может быть и речи о «боках», их не существует, ибо это уже второе измерение.

Такова первая аналогия, которая должна «наглядно» убедить нас в конечности мира.

Примерами двумерного многообразия могут являться или поверхность обыкновенного бублика («тор»), или сфера, или поверхность цирковой гири («сфера с n ручками»). Здесь также каждая точка поверхности есть ее внутренняя точка (гомеоморфная внутренности круга). Поэтому здесь нет границ, хотя многообразие конечно и замкнуто.

<...> На мой взгляд, всякая попытка от образа трехмерного конечного и неограниченного многообразия умозаключать к конечности реального, физического, а не математического пространства есть глубоко ошибочная вещь. И именно «наглядные» аналогии проф. Кольмана свидетельствуют об этом. Они показывают, что любое исследование математических многообразий не решает вопрос о конечности или бесконечности мира. Мы действительно можем дать математическую модель конечного трехмерного мира и утверждать, что эта модель неограниченна. Но эта модель не исчерпывает и не может исчерпать свойств реального пространства. Больше того, я осмелюсь утверждать, что признание конечности не математического, а реального, физического пространства, несомненно, ведет к признанию его физической ограниченности, реальной ограниченности в реальном мире, а не в мире математических абстракций.

Я глубоко уважаю математику. Это, бесспорно, доказательная вещь. Это даже красивая вещь. Но позвольте мне напомнить слова Энгельса: «...если только мы привыкнем приписывать корню квадратному из минус единицы или четвертому измерению какую-либо реальность вне нашей головы, то уже не имеет особенно большого значения, сделаем ли мы еще один шаг дальше, признав также и спиритический мир медиумов». И мне кажется, что все попытки, опираясь на замкнутые, но неограниченные математические многообразия, приходиться к выводу о конечности мира есть именно такой шаг.

В о з р а ж е н и е 2. Если мир конечен, то развитие ограничено.

Проф. Кольман не согласен: материя сохраняет бесконечность развития во времени и вглубь.

Проф. Кольман прав, конечно, что материя развивается бесконечно во времени. Но это не только не служит доказательством конечности мира (как, впрочем, и любое другое логическое рассуждение), но, напротив, говорит именно в пользу бесконечности мира в пространстве. Ибо с точки зрения современных физических представлений о пространстве и времени вряд ли можно признавать бесконечность времени и конечность пространства, вряд ли можно разрывать единый пространственно-временной континуум на бесконечную и конечную части.

Таковы два логических рассуждения докладчика. Они на-

глядно свидетельствуют как о беспомощности логики в данном вопросе, так и о бесплодности попыток дедуцировать конечность мира из математических абстракций.

Гораздо интереснее рассмотреть те естественно-научные факты, которые заставляли и по сей день заставляют многих физиков и философов ставить вопрос о конечности мира в пространстве (а зачастую и во времени).

Факты эти следующие:

1. Гравитационный парадокс. Если применить закон тяготения Ньютона ко всей бесконечной массе Вселенной (признав, что средняя плотность не равна нулю), то мы не получим определенного конечного результата.

2. Фотометрический парадокс. Если применить ко всей Вселенной законы яркости, то небо отнюдь не должно быть ночью черным.

3. Метагалактическое «красное смещение». В спектрах внегалактических туманностей линии смещены в сторону красного конца. Все попытки найти этому физическое объяснение (кроме применения продольного эффекта Доплера) не дали результатов. Остается принять, что эти туманности удаляются от нас.

Отсюда делается вывод о конечности Вселенной во времени.

4. «Тепловая смерть». Второе начало термодинамики сформулировано Клаузиусом так: «Энтропия системы или остается неизменной, или возрастает» (энтропия – мера пре-

бывания системы в данном состоянии). Распространение этого начала на всю Вселенную с неизбежностью ведет к признанию «тепловой смерти».

5. Уравнения тяготения Эйнштейна (с введением так называемой «космологической постоянной») дают решения, приложимые только к конечной Вселенной.

Таковы пять основных фактов, которые приводят к мысли о конечности мирового пространства...

Надо сказать, что и физики, и математики, и космологи приложили немало усилий, чтобы выбраться из этих противоречий, оставаясь на почве признания бесконечности мира. Этим ученым почему-то не убеждали «наглядные» аналогии с одномерными и двумерными многообразиями. Но подавляющее большинство этих попыток весьма уязвимы с физической стороны. Вот несколько примеров.

Для того чтобы уйти от гравитационного парадокса, была предложена так называемая ступенчатая структура мира. При этом допущении и при предположении, что при переходе к высшим системам плотность падает с определенной скоростью, мы получаем конечное решение уравнений тяготения. Но, как видите, здесь слишком много предположений и допущений.

Для того чтобы избежать «тепловой смерти», Больцман предложил «флуктуационную гипотезу». Он предположил, что вся Вселенная находится в равновесном состоянии, а «наша» Вселенная переживает «флуктуацию», то есть вре-

менное и местное отклонение от равновесия.

Наш физик Фридман нашел решения уравнений Эйнштейна, при которых распределение массы соответствует бесконечному пространству. Но его решения исходят из предположения об однородности и изотропии. То есть опять предположения, опять допущения...

Таким образом, можно считать, что до настоящего времени наука не дала однозначного решения всех этих «парадоксов бесконечности».

Но давайте присмотримся к логической схеме всех этих физических и космологических выводов о конечности мира. Схема эта очень проста. Первый шаг – берется какой-либо закон, установленный с полной точностью и практически подтвержденный. Второй шаг – действие этого закона распространяется или на бесконечность в пространстве, или на бесконечность во времени, или на то и другое вместе. И третий шаг – так как в данном случае выводы противоречат фактам, то получается вполне доказанный, математически обоснованный конец мира. Так, может быть, мир действительно не бесконечен? Может быть, надо поверить всем этим «научным» данным?

Такое решение было бы слишком поспешным. Здесь встанет важнейшая и интереснейшая проблема экстраполяции на бесконечность. К сожалению, докладчик только упомянул эту проблему.

Вопрос, как это уже понятно, сводится вот к чему: можно

ли распространять закономерности, полученные на основании изучения «нашей» системы, «нашей» астрономической области, на всю Вселенную, то есть можно ли экстраполировать эти закономерности на бесконечность?

Проф. Кольман утверждает, что это – логическая проблема, видоизменение принципа индукции. Вряд ли это правильно. Логика тут не поможет. Речь идет не о тех или иных правилах индуктивных умозаключений, а о гораздо более сложной и многосторонней проблеме. И чем дальше и глубже проникаем мы в тайны Вселенной, тем острее встает этот вопрос. Где та грань, где та черта, за которой действуют иные закономерности, иные связи? Где та граница, переходя которую мы попадаем в тупик противоречий? И есть ли вообще эта граница?

Наука еще не дает данных для ответа на эти вопросы. Можно делать только предположения. Можно думать, например, что если действие целого ряда физических законов имеет свою нижнюю границу (то есть микромир), которую мы можем описать математически, то логично предположить и существование верхней, космической, границы. Но это пока только «натурфилософское» предположение. Во всяком случае, неприменимость ряда закономерностей к бесконечной Вселенной говорит отнюдь не о конечности Вселенной, а об ограниченности действия этих закономерностей.

И мне кажется, что философия должна ставить перед космологией не вопрос о нахождении естественно-научных дан-

ных о конечности или бесконечности мира, как это делает проф. Кольман. Наша философия должна ставить вопрос о нахождении тех пределов, которые допускают экстраполяцию «наших» закономерностей, вопрос о проникновении в иные закономерности мира, бесконечного и во времени, и в пространстве. Такой путь будет плодотворным и для естествознания, и для философии.

Таким образом, вывод проф. Кольмана о том, что признание материальности мира логически совместимо с признанием как его конечности, так и его бесконечности в пространстве, кажется мне неубедительным и основанным на незаконном перенесении свойств определенных математических абстракций на реальный физический мир. Неправомысленной является и сама постановка этого вопроса в чисто логической плоскости, ибо данный вопрос неразрешим в рамках логики.

* * *

В заключение мне хотелось бы остановиться на одной детали, вернее, на одной стороне доклада. Мне кажется, что проф. Кольман несколько абсолютизирует достижения современной физики вообще и теории относительности в частности.

Я далек от мысли бросить камень в Эйнштейна. Больше того, я считаю, что теория относительности есть наиболее

грандиозное научное здание, воздвигнутое за всю историю науки (я, разумеется, говорю о естественных науках). Попытка Эйнштейна создать «единую теорию поля» или, как говорил де Бройль, представить атомную структуру материи особенностями гравитационного поля, была величественна, но слишком дерзка для нашего времени, для наших знаний о мире. Это – дело будущего.

Надо признать, что и теория относительности, и квантовая механика, и многие другие теории – лишь первые попытки человечества проникнуть в глубь материи, в глубь пространства и времени. Впереди еще даже не сотни, не тысячи, а миллионы и миллионы лет развития познания. И эту перспективу всегда надо иметь в виду, чтобы не впасть в догматизм, чтобы не канонизировать данные современных наук, чтобы не спешить с обобщениями, лишенными фактической основы.

Конечно, человеку свойственно стремление к охвату разнообразных фактов какой-то единой теорией, стремление, так сказать, к полету мысли... Тем не менее не следует торопиться с радикальными философскими выводами из данных современной физики. Наша философия впитала в себя выводы всех наук о природе и истории, и развитие всех наук, в свою очередь, подтверждает выводы философии. Поэтому даже с методологической стороны было бы неправильно, основываясь на данных одной науки, ставить вопрос о пересмотре ряда принципиальных положений философии.

А доклад проф. Кольмана, с моей точки зрения, грешит именно этой поспешностью, некоторой скороспелостью философских выводов, известной абсолютизацией данных современной науки. Складывается впечатление, что на докладе лежит печать «модной» в настоящее время среди определенной части интеллигенции борьбы, «модной» критики предрассудков. Причем «предрассудки» понимаются весьма широко. Складывается впечатление, что эта печать моды мешает выяснению поставленных в докладе вопросов и заводит проф. Кольмана иногда слишком далеко не только от философских предрассудков, но и от диалектического материализма!»

На последней странице рукописи дата: 27.12.56.

Почти через полвека удивляюсь: как хватило нахальства выступить против Кольмана?! Но хватило. Не зря мы на первых курсах юрфака пытались за идеологической оболочкой понять реальное содержание научных дискуссий. Разумеется, мои познания, как правило, имели наивно-дилетантский, поверхностный характер. Но именно это позволяло избегать излишних сомнений, колебаний, тонкостей и напрямую пробиваться к выводам, которые и сегодня представляются мне правильными.

В конце концов тема моей диссертации была сформулирована следующим образом: «Проблема бесконечности в математике, физике и космологии». Несмотря на присущую мне

уверенность в своих силах и возможностях, уверенность, переходящую в самоуверенность, что-то внутри царапало: вроде бы не по Сеньке шапка. Огромные проблемы требовали подготовки, которой у меня не было. А догнать поезд за три года было явно невозможно. Но вот с этим словом – «невозможно» – примириться было действительно невозможно. И я приковал себя к бесконечности.

Сначала научным руководителем у меня был проф. М.Э. Омеляновский, затем – член-корреспондент АН СССР Д.Д. Иваненко. Но мне было как-то неловко беспокоить занятых людей. Руководили мною книги. Сидел в Ленинке с открытия до закрытия. То, что когда-то называлось «красногвардейской атакой», только в данном случае не на капитал, а на науку. Попытка с налета, штурмом одолеть омуты и стремнины релятивистской космологии, физики супермикромира, канторовской теории множеств. И нарастающее подозрение, что нам, конечным существам, не дано постигнуть, понять, преодолеть бездны бесконечного, бездны, где становится бессильной наша логика, где отказывают наши чувства.

Диссертацию я не написал. Становился старше, убавлялось самоуверенности. Не хватило мужества выйти на защиту, зная, что я так мало знаю и еще меньше понимаю. А то, что я успел узнать и понять, составило статью «Бесконечность», которая появилась в первом томе «Философской энциклопедии» (М., 1961). Прохождение этого материала по

редакционным инстанциям сопровождалось кипением философских и не совсем философских страстей. Но почти не испортили. В этом же томе в качестве своего рода отходов моего основного производства опубликованы статьи «Вакуум», «Вселенная», «Галактика», «Гелиоцентрическая и геоцентрическая системы мира». Со сдержанной радостью (и с остатками самоуверенности) сообщаю, что даже сегодня читать их не стыдно (мне, по крайней мере).

Поскольку с диссертацией мы разобрались, всю остальную аспирантскую жизнь можно расположить на двух полках: жизнь общественная и жизнь личная.

Общественная жизнь (по сравнению с Хадыженском) была скучна и скучна.

Очередные выборы. Председатель участковой избирательной комиссии («От коммунистической партийной организации кафедры диалектического и исторического материализма философского факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова»). Задача простая: как можно быстрее отрапортовать в райком о результатах голосования. Справлялись. Сюрпризов не было.

По поручению МГК КПСС проверяю, как работают с молодежью в гостинице «Москва». Посещаю, беседую, вникаю. Молодежь, а это в основном горничные, вполне даже ничего. Иногда, путая общественную жизнь с личной, начинал сам работать с молодежью...

Чтение лекций. Бесконечность трудящихся не волновала.

Поэтому рассказывал о международном положении. Например, летом 1959 года в Липецкой области прочитал 50 таких лекций. За некоторые лекции («публичные») мне платили гонорар. И всегда кстати. Чуть было не гробанулся на мотоцикле. Но пару дней полежал на песочке под солнышком и пришел в себя. Правда, с тех пор не езжу на мотоцикле. Встречал и провожал меня по всем комсомольским правилам («живинка», «задоринка» и т. п.) секретарь Липецкого обкома ВЛКСМ Леня Мосин.

С Мосиным мне потом приходилось встречаться неоднократно, так как он дослужился до помощника Ю.В. Андропова. Любопытный народ были эти «комсомолята», всю сознательную жизнь свою проводившие в комсомольском и партийном аппаратах. Несомненно, ловкие, оборотистые, зубастые. Настоящие доктора бюрократических наук, гроссмейстеры аппарата, академики многоходовых интриг. Часто беспринципные, циничные. Готовые служить любой власти, если только эта власть готова оставлять кусочек властного пирога младшим братьям по аппаратному разуму. «Комсомолята» тосковали по сталинским порядкам. В критических, переломных ситуациях они, как правило, выступали на стороне антидемократических, консервативных сил.

Мосин был интеллигентнее многих своих друзей из комсомола. Но и он был с ног до головы повязан аппаратными табу. Представьте сценку. Январь 1964 года. Я уже у Андропова. Моя должность – «ответственный консультант отдела

ЦК КПСС по связям с рабочими и коммунистическими партиями стран социализма». Сажу в кабинете у Мосина. Он держит очень значительное лицо. Вводит меня в курс дел. Рассказывает какие-то байки. Спрашивает о том о сем. Интересуется, в частности, впечатлением, которое произвели на меня Андропов и Пономарев (заведующий «братским», то есть международным отделом). Тема интереснейшая. Пытаюсь набросать портреты обоих секретарей ЦК, сравнить их характеры, манеру общения с подчиненными, в общем – плюсы и минусы. И пока я говорю, Мосин, ну прямо на глазах, становится все важнее и важнее. И смотрит на меня как-то странно, как на больного. Потом слабым манием останавливает мое красноречие и внушительно: «У нас не принято противопоставлять секретарей ЦК. Тебе еще простительно, а вообще – запомни!» Я запомнил. Вообще-то нас жизнь учила различать людей, понимать, что, о ком и кому можно говорить... Главное – кому нельзя говорить. Замечу, что в аппарате ЦК таких людей было меньше, чем во всяких других аппаратах. Или мне просто везло...

Вернемся на факультет. Меня избрали заместителем секретаря факультетского парткома. Секретарем был почтенный седовласый профессор. Но он появлялся редко. Мне же пришлось, существенно потеснив Ленинку в бюджете времени, почти каждый день сидеть в парткомовском кабинете. Партийная организация была большой, «оттепель» уходила в прошлое, бдительность приветствовалась, поэтому «сигна-

лы» поступали регулярно.

На «сигналы» надо было реагировать. Это можно было делать по-разному. Входит озабоченный профессор и почти шепотом повествует:

– Иду вчера мимо «Ударника». Вижу, стоит профессор Ойзерман с букетиком цветов. Ждет кого-то. И я подождал за углом. Подошла наша студентка (фамилия была названа), Ойзерман отдал ей цветы, и они отправились в кино.

Очень хотелось выставить паскудного посетителя за дверь. Но ни-ни. Кабинет – территория официальная, и я при исполнении...

– Спасибо, – говорю бдительному профессору. – Однако дело серьезное, и, чтобы партком мог к нему серьезно отнестись, прошу вас изложить ваши наблюдения в письменном виде, подписать и сдать в партком.

Профессор вышел. Больше не возвращался. При встречах норовил незаметно прошмыгнуть мимо. Хороший, значит, человек, совесть еще не потеряна.

Некоторые, увы! – возвращались...

Личная жизнь поначалу текла довольно размеренно. Аспирантских жен в общежитии не прописывали. Поэтому пришлось действовать народными средствами. Операция элементарная. Пишу заявление, что потерял пропуск в общежитие. Получаю выговор и иду за новым пропуском. Тут самый тонкий момент. Получив новый пропуск, надо успеть, пока не засох клей, аккуратно отделить собственную фото-

графию. Дальше – техника. Клеится фотография «дублера». Вместо «Бовин», добавляя букву, получаем «Бовина». Вместо «Александр» – «Александра». И т. д. Халтура, конечно. Но вохровскую охрану вполне устраивала.

К личной жизни относилось общение с мамиными братьями и сестрами и с их разросшимися семьями. Всегда можно было прийти к родному дяде или не менее родной тете и получить толику человеческого тепла, да и поесть нормально.

Сложилась компания: брат Саша (аспирант Института связи), брат Жора (тот, за которого я сдавал экзамены в техникум) и аз грешный. Мы были одногодки. Жизнь воспринимали примерно одинаково. Брат Жора отслужил во флоте и шел впереди по семейной линии: у него уже был сын Колька. Брат Саша лидировал в науке, у него была почти готова кандидатская диссертация. А я уже успел побывать на советской (судья), партийной (РК КПСС) и хозяйственной (Хадыженский ЛПХ) работе.

Нам было интересно друг с другом. Летом выступали на пленэре: энергично осваивали Подмосковье и даже прихватывали соседние области. Сохранившиеся фотографии свидетельствуют о бедности закуски: в основном банки с килькой. В осенне-зимний период кочевали по родственникам. Дождались: брат Саша получил комнату в трехкомнатной квартире (пятый этаж, без лифта). Там мы и собирались. Семьей он не обзавелся, что расширяло свободу маневра.

По «табельным дням» (праздники, дни рождения) компания могла расширяться за счет привлечения братьев и сестер второго круга.

Братья – типичные, как говорят, «технари». Брат Саша – интеллигентный технар. Книжки. Театр изредка. Немного музыки. Брата Жору быт засосал. Сначала – сын, потом – дочь. Не очень здоровая жена. Больные родители. Всех надо кормить. И другой брат Саша, который я. Из совсем другого мира. Сначала – из «бесконечного», где ум за разум заходит. Потом – из очень «конечного», где требования к уму резко снижаются, но зато платят приличные деньги и дают приличные квартиры. И где информация (только для своих!) не тонет безнадежно в информационном шуме.

В общем, у нас было что рассказать друг другу. Но по мере взросления менялся антураж. Поллитра – она и есть поллитра в любой ситуации. Константа то есть. Может варьироваться количество поллитр, но их качество, – что бы ни говорили пижоны, – после определенного уровня остается постоянным. Особенно если начинать контроль после третьей рюмки. Закуска – другое дело. Вначале был «технический холодец» (копеек двадцать за квадратный дециметр). Рядом с ним – куриная кожа и репчатый лук (ежели его порезать, ошпарить кипятком и посыпать солью, отменно получается). Рост благосостояния непосредственно и самым благотворным образом сказывался на разнообразии и качестве закуски. Каждый из нас умел и любил готовить. Изощрались.

Симфонии вкуса...

Брат Саша – единственный из всех, кого я знаю, кто так и остался на всю жизнь в той, первой своей комнате. Менялось время, менялись соседи – он оставался. Убежденный холостяк. Человек, который не хотел просить, а требовать не научился. Мы и сейчас там встречаемся. Только вдвоем и очень редко.

Брата Жору жизнь уже укатала.

С братом Сашей связан драматический эпизод в моей биографии, эпизод, который чуть было не направил мой жизненный путь в другое русло.

30 марта 1958 года брат Саша защитил кандидатскую диссертацию. Успешная защита отмечалась в ресторане «Прага». По причине перепития я после «Праги» оказался не на Ленинских горах, а на Курском вокзале. Не помню, что тамстряслось. По-видимому, из защиты я перешел в нападение. Подрался, как мне расказывали, с милиционерами. Утром проснулся в привокзальном карцере. Днем быстрый и справедливый суд.

«ПОСТАНОВЛЕНИЕ

31 марта 1958 года народный судья четвертого участка Бауманского района г. Москвы Никольский, рассмотрев материалы о хулиганских действиях гражданина Бовина Александра Евгеньевича, 1930 г. рождения, урож. г. Ленингра-

да, чл. КПСС, работающего в МГУ, аспирант, прожив. Ленгоры Б-424, установил: Бовин 30 марта 1958 года, будучи в нетрезвом виде, в помещении Курского вокзала приставал к пассажирам, сквернословил, на замечания не реагировал. В суде вину признал.

На основании указа президиума Верховного совета РСФСР от 19 декабря 1956 года «Об ответственности за мелкое хулиганство» ПОСТАНОВИЛ:

Бовина Александра Евгеньевича подвергнуть аресту на семь (7) суток с 2 часов 30 марта 1958 года.

Постановление обжалованию не подлежит и приводится в исполнение немедленно».

Максимальное наказание для «декабристов» – 15 суток. Мне сбавили за чистосердечное раскаяние. Начало ареста исчислялось с моего водворения в карцер. То есть к концу суда я уже отсидел сутки.

Отвезли в тюрьму на Рогожскую заставу.

Согласно установленному порядку, начальник отделения милиции на Курском вокзале должен был сообщить о моем аресте в ректорат МГУ. После чего меня отчислили бы из аспирантуры. И пришлось бы начинать все сначала...

Но мир не без хороших людей. И не без хороших милиционеров. Нора уговорила начальника отделения милиции (на всю жизнь запомнил – подполковник Слюнин) не ломать жизнь надежде советской философии и не писать в МГУ.

Подполковник обещал и сдержал слово.

В камере было 12 человек. Кормили хорошо. Днем работали на Курском вокзале: что-то таскали с места на место, убирали мусор. Вечерами травили баланду. Публика подобралась вполне приличная. С разным профессиональным и жизненным опытом. Интересно было слушать и даже учиться.

Вдруг – ЧП! Жена через тюремное начальство сообщает, что как раз на эту неделю назначено обсуждение моего материала (первого!) в редакции журнала «Вопросы философии». Пишу заявление на имя начальника тюрьмы с просьбой разрешить покинуть тюрьму на несколько часов. Разрешает. Нора привозит парадный костюмчик. Переодеваюсь и отправляюсь в журнал. Там все проходит хорошо. Возвращаюсь в родную камеру. Хохот и бурное обсуждение.

Освободили меня ровно через семь суток, в два часа ночи 6 апреля. О чем имею бумагу за подписью капитана Болотского. Поймал такси и скоро был дома. Выволочка от Норы не испортила настроение.

В ходе последующего разбора операции брат Саша и брат Жора меня сурово осудили. Я признал вину. Обещал исправиться. Больше не попадался.

Аспирантура столкнула меня с представителями братских стран. Очень сдружился с китайцами. Когда началась «культурная революция», их всех отозвали и всюю перевоспитывали. В местах, весьма отдаленных от Пекина. После смерти

председателя Мао началась реабилитация. Началось и постепенное улучшение советско-китайских отношений. В феврале 1983 года, преодолевая сопротивление китаистов из ЦК и опираясь на поддержку Андропова, удалось пробиться в Китай. Попросил китайские власти устроить мне встречу с друзьями. Уважили. Встреча состоялась в любимом ресторане Дэн Сяопина. Когда не видишься четверть века, есть о чем поговорить...

Наиболее близкие, сердечные отношения сложились с Иржи Сухи, аспирантом из Братиславы. Было в нем что-то швейковское: ум, тихий юмор, спокойствие. И антишвейковское было: склонность к авантюрам. Любил женское общество. Поначалу язык подводил. «Понимаешь, – хохотала моя знакомая, – он меня уговаривал: «садись длинно, садись длинно». Наконец разобралась: «ложись» это означало.

Где-то в городе Иржи нарвался на эффектную красотку. Страсть рвалась в клочья. Зарегистрировал брак. А она оказалась обыкновенной воровкой, которая, пользуясь доступом в общежитие МГУ, проходила по комнатам аспирантов «из Европы» (кавычки, потому что Европа Восточная). Поймали. Был суд. На Иржи смотреть было больно.

Созвонился с Ростовом и увез его к своим маме и папе. Отхаживали заботой и ростовской вкуснятиной.

Потом на месяц (это было в июне 1958 года) отправились в Сочи. Где клин выбивали другими клиньями.

Еще был трепетный роман с узбекской девушкой Дельбар

Алиевой. Ее и умыкнул Иржи в качестве законной жены. Так что она влилась в ряды не ташкентских, а братиславских философов. Сына называли Тамерлан.

Последний раз я виделся с Иржи и Делей летом 1968 года. Время было тревожное и разговор такой же.

Последний достойный упоминания фрагмент моей лично-интернациональной жизни на философском факультете МГУ связан с аспиранткой из Румынии Стелой Черня. Общались на основе бартера: я учил ее кататься на лыжах, а она меня – французскому языку. По-моему, она получала больше удовольствия... Ее уже нет. Ранний инфаркт.

Главное событие личной жизни в аспирантуре – любовь с первого взгляда. Слова привычные, книжные, почти пустые. Наполнение тоже звучит по-книжному: как будто на полном ходу врезался в столб. Так врезался в любовь.

Лена Петровна Калиничева появилась в аспирантуре в октябре 1958 года. Философский факультет она закончила три года назад. Побывала замужем.

Увидел ее и понял, что погиб, вознесся, пропал... Попытки наступить на горло собственной песне проваливались одна за другой. Почти год жил как шизофреник – на два вектора. Нора не была в курсе моих метаний. Калиничева в курсе была, но взаимности я не встретил. Так, некоторый интерес, любопытство. От тоски никуда не денешься. Но все же пару раз сбегал в город, жил у брата Саши,пил горькую.

В один из таких дней пересекся с Александром Зиновье-

вым. Он пил как непризнанный лидер нового направления в логике. Сплотились. Несколько дней, вернее – ночей путешествовали по Москве, будили своих знакомых и обсуждали судьбы философии.

Летом Калиничева с какими-то физиками поехала на Белое море. А я – по контрасту – на Черное. Добрался до Ялты. Там нанялся матросом-спасателем на городской пляж. Спасал себя самого, но не спас...

Осенью что-то стало меняться. На Лену я воздействовал через ее подруг. Они втолковывали ей, какой я хороший. И это начинало действовать. Возникла некая синусоида отношений. Сегодня – улыбки, завтра – колючки.

Как и положено, стал самовыражаться в стихах.

ДЕВОЧКА И ЕЖИК

Из волшебной сказки
Ты пришла ко мне.
Как в волшебной сказке,
Не сказала «нет».

Ты была чудесной —
Нежной и простой.
Ты была как песня
В вечер золотой.

Целовал я руки,
Губы и глаза,
Даже сердца стуки
Я в руке держал.

Молча улыбалось
Тонкое лицо,
Молча замыкалось
Рук твоих кольцо...

Вдруг погасли звезды,
Вскрикнула луна,
Вздых над всем пронесся
Злого колдуна.

Что-то застонало,
Стихло в облаках.
Девочки не стало —
Ежик был в руках.

Ежик настоящий,
Грустный и колючий,
Ежик настоящий
Из лесов дремучих.

Он смотрел сердито
Уголками глаз.
Было все забыто,
Что согрело нас.

Ежик, милый ежик,
Чем тебе помочь?
Что вернуть нам сможет
Ты – из сказки – ночь?

Где найти мне ласки,
Веру и любовь,
Девочкой из сказки
Чтобы стал ты вновь?

Хочешь, поцелую
Твой холодный нос?
Хочешь, дам большую
Чашку горьких слез?

Хочешь, я жар-птицу
Для тебя стащу?
Хочешь, небылицу
В быль я превращу?

Я из сердца, хочешь,
Вырежу цветок,
Будет красным очень
Каждый лепесток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.